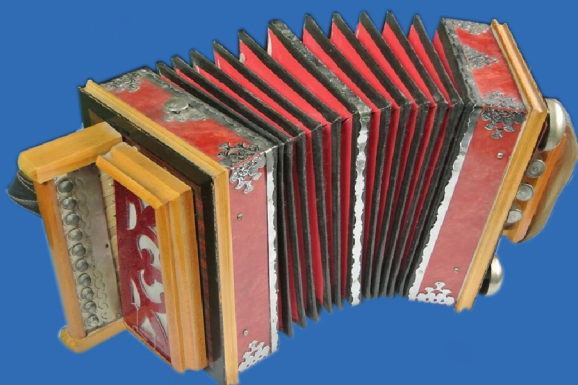

П. П. Африкантов

Саратовские байки

об игрушке, гармошке и калаче

Саратов 2022

П.П. Африкантов

Саратовские байки
об
игрушке, гармошке и калаче

Саратов
2022.

Африкантов П.П.

**САРАТОВСКИЕ БАЙКИ ОБ ИГРУШКЕ,
ГАРМОШКЕ И КАЛАЧЕ**

95 стр. г. 2022г.

В сборник включены три произведения о символах города Саратова и Саратовской области. Первое произведение это «Горновица». Оно уже достаточно известно в Саратове. Сказ посвящён Саратовской глиняной игрушке и мастерам глинолепам. А вот два других сказа совершенно новые это: «Михаськин холм» и «Хлебный дух». В этих произведениях рассказывается о Саратовской гармошке и Саратовском калаче.

Книга издана в авторской редакции.

Компьютерная вёрстка, обложка и макетирование П.П. Африкантова.

© П.П. Африкантов, 2022

Горновица

Как уж водится на Руси – всякое ремесло, какое не возьми, хоть скорняжное, хоть плотницкое, хоть ещё какое, обязательно легендами обрастает. Здесь тебе и байки, и домыслы, и причуды всякие – куда ни кинь, а всё о том же. И рассказы эти всегда, по преимуществу, таинственные и страшноватые. Слушаешь, бывало, лёжа на печи, как иной дока внизу, за пеленой махорочного дыма, типа нашего соседа Ивана Зиновьевича, царствие ему небесное, вдаётся в воспоминания старины глубокой, так и стараешься от страха в кирпичи печные вдавиться, чтоб тебя никто уж и не заметил, никакие страшные и тёмные силы тебя не увидели.

Понятно, что и игрушечный промысел тоже не мог без своей мифологии обойтись. И понятно, что эта история с обжигом игрушек связана, потому как таинственнее и непредсказуемее в гончарном деле ничего более нет. А уж там миф это, сказка или реальность с додумками, как знать? Только без чудесного и необыкновенного и сказ – не сказ и байка – не байка. В любом случае, одну из таких баек я и расскажу, чтоб от других промыслов не отстать. А

то без байки, вроде, как и промысел не промысел, а так – не пойми что.

Итак, слушайте.

Было это давно. То ли в самом конце правления Елизаветы Петровны всё это случилось, то ли попозже, Бог весть.

Есть такое место недалеко от Малой Крюковки, называется оно «Перерытое озеро». Это что недалеко от Кельцевого пруда. Если вы сейчас спросите об этом названии кого из жителей близ лежащих деревень, там из Полчаниновки или из Большой Фёдоровки, то вам никто нипочём не скажет, почему это место так называется. В последнее время знали об этом только жители деревни Малая Крюковка, да и то помалкивали. Не принято было в деревне об этом говорить. Считалось, что если человек об этом говорит, то он на себя беду кликает, потому и молчали. Как говорится – роток на замок, чтоб никого не искушать и самому не искушаться. А уж что эта история с нечистой силой связана, то тут никаких сомнений. Ну, сами подумайте: откуда это озеро в лесной глуши появилось, когда в этом месте нет никаких полезных ископаемых? Зачем его было рыть или перерывать в том месте, куда даже за грибами тамошние жители не ходят, а предпочитают места хоть и менее грибные, но не

такие сумрачные, где только одни волчьи логовища и можно встретить? Место это робостное. Яма на яме. В ямах этих вода ржавая и гнилостная. Самая большая из них, что посредине, это и есть то самое перерытое озеро.

Солнца в этом месте земля лесная отродясь не видала. Не доходят до земли солнечные лучи, мохнатые шапки деревьев не пускают, а ниже этих шапок мрак постоянный. Деревья здесь тоже особенные, в основном дубьё могучее с сучьями толстыми и корявыми. Если со стороны посмотреть, то сразу видно – окружили деревья озеро, сцепились кривыми ветвями, что не расцепить и не разодрать. Ни дать, ни взять службу несут, а вот чего охраняют вековые – не понять.

Постоял в этих местах один раз и я, посмотрел на ямы, на камни-дикари, мхом заросшие, почитай размером с добрую телегу каждый и подумал: «Эвон какую адскую работу человек проделал! А для чего? Что его подвигло на такое? Почему он здесь жилы рвал, да потом с кровью умывался? Может быть зависть виновата? Нет..., не это. Здесь что-то другое происходило... Не будет себя человек просто так изничтожать, никак не будет. Однако ж озеро есть со стоками и отводами, деревья корчёванные и не сгнившие с корнями по лошадиной ноге толщиной в верх протянулись, камни прозеленевшие тут же. Здесь

как не мозгуй, всё указывает на значительность потерявшегося во времени события.

Дело же, как толкуют о сем событии старики, коим довелось до наших дней дожить и которые рассказы эти от других дедов восприняли, происходило вот как...

Жил в деревне Крюковка, что вёрст шестьдесят от Саратова, игрушечник по имени Григорий, статный, красивый и силушкой не обиженный, лошадь за передние ноги на дыбы ставил, первый кулачный боец в округе. Жена у него была молодая, красавица синеокая. Очень любил жену Григорий. Редко так любили, даже в то время, не говоря о сегодняшнем, когда в народе божеском любовь поиссякла.

Понятно, что история эта была вся на любви замешана. Дело было зимой. В зимнее время другие мужики в деревне в извоз собираются, а Григорий дома, игрушки лепит. Весь его извоз к тому сводился, что запряжёт в сани лошадку, да съездит в Тарны за глиной.

Там у него яма была вырыта, сверху накатником дубовым прикрытая, чтоб не промерзала. Наберёт мужик глины и домой приедет, вот и всё. У Григория ещё дед живой был, на печи сидел. Это от него Григорий лепить научился, дело перенял. Дед этот и говорит

однажды Григорию, дескать, помру я скоро, Гришка. Ты же дело наше родовое не бросай, а по линии нашей семейной так и передай дальше.

Григорий, услышав от деда такое, возмутился, мол, чего ты говоришь, разве тебе жить, кто мешает? В нашем роду долгожителей хоть отбавляй, а ты не вовремя засобирался. А дед своё: «Пора мне, говорит, долг платить».

– Кому...? Какой долг!? – изумился Григорий.

А дед этак, рукой повёл и с придыханием говорит:

– Горновице платить.– Замолк, дышит трудно. Затем с силой собрался, продолжил. – Ты старый горн, Гриша, сломай. Не нужен он тебе, нового до конца жизни хватит.– Откинулся на подушку, замолчал.

– Почему раньше ничего про Горновицу не сказывал? – хотел допытаться Григорий. Хотя про Горновицу он не раз слышал, другие игрушечники и горшечники сказывали, а сам никогда её не видел. К рассказам этим мастер относился с определённой долей юмора, думая, что это не более, как сказки гончаров, этакий красивый вымысел и не более того. Суть же этих рассказов сводится к тому, что будто, у мастеров в горнах, что служат для обжига изделий из глины, игрушек там или горшков, заводится Горновица. Особь такая,

женского пола. Внешностью, вроде, человек, а не человек, потому как не могут люди такие температуры переносить. Вот и выходит, что не человек она, а только образ человеческий имеет.

В одних рассказах эта Горновица – согбенная старуха с клюкой, которая ходит внутри горна во время обжига и проверяет, как ведётся обжиг изделий. Одета она тоже по-старушечьи. Одежды простые. На ногах лапоточки, кофта в синий горошек, на голове платок. Хотя, одежды, вроде, и простые, но в огне не горят и даже не дымятся. Живёт она в горне и появляется, когда в печном пространстве горна температура достаточная наберётся, при которой горшки спекаться начинают. Выходит она прямо из глиняной стены. Ходит эта старуха по горну и глиняные изделия клюкой постукивает. Иные изделия местами может поменять, одни выше поставить, а другие пониже. А какие горшки или игрушки не понравятся, то и разбить может, а то даже и горн развалить, если злоба возьмёт.

В других рассказах Горновица предстаёт в виде молодой стройной девушки, приятной внешности, в белом шёлковом платье. В рассказах она всегда завлекает молодых гончаров и те, что послабовольнее поддаются её чарам. А вот про какую Горновицу старую или молодую дед Григория речь вёл он так и не сказал, а только

текли у него по щекам мелкие как бисер предсмертные слёзы. С теми словами и умер. Этих слов про «долг», ни Григорий, ни жена его не поняли.

Деда похоронили, а через некоторое время налепил Григорий игрушек, да и в горн поставил, обжигать стал. Только не в новый горн поставил, в котором он всегда обжигал, а в старый, подумав: «Прежде чем сломать горн и просьбу деда выполнить, обожгу-ка я в нём в остатний раз игрушки и тогда уж сломаю». В горн игрушки уложил, прикрыл сверху кирпичом- сырцом и стал в створе горна костерок разводить. А если из читателей кто не знает, как гончарный горн был в старину устроен, поясню: простой гончарный горн имеет вид стоячего валенка. В носу валенка проделывается отверстие (створ), где и разводится огонь, а в голенище на подставку (под) устанавливаются глиняные изделия для обжига. Сверху такой глиняный валенок прикрывается кирпичами, или глиняными пластинами, в которых проделывается отверстие для выхода дыма. С боку голенища проделывается смотровое отверстие, чтоб гончар мог наблюдать за процессом обжига. Горны такие обычно устраивались в земле, или на её поверхности и засыпались землёй.

Итак, положил Григорий в самом начале обжига в створ щепочек осиновых, зажѣг, затем веточек подбросил, но так, чтобы температура в горне медленно поднималась, иначе игрушки полопаются. Когда веточки прогорать стали – полешки положил. Ждѣт, как разгорятся полешки, а сам песенку в усы мурлычет.

Буря море раздымает,
А ветер волны подымает:
Сверху небо потемнело,
Кругом море почернело,
Почернело.

В полдни будто в полуночи,
Ослепило мраком очи:
Одна молнья-свет мелькает,
Туча с громом наступает,
Наступает.

Часа два так Григорий горн грел, песенку напевал, да проверял – идѣт из горна вместе с дымом пар, или нет. А уж как полешки разгорелись, пар перестал идти и внутри горна шумок послышался, игрушечник на коленки встал и в горн через смотровое окно заглянул. Смотрит он в горн через узкое отверстие, из которого только что глиняную затычку вытащил и видит, как всё в

горне понемногу красным становится, а в самом низу уже цвет вишни на изделиях проступает.

Ещё подбросил полешков Григорий, топку щитком прикрыл, чтоб жаром поленьяхватило. Подождал немного и снова в горн через отверстие посмотрел. А в горне уже красное марево плавает. Ещё подбросил в горн Григорий дров, рядом с горном на поленья сел. Посидел какое-то время и вдруг слышит, как будто зовёт его кто-то: «Гриша..., Гриша...» Оглянулся игрушечник – никого. Решил, что почудилось. Снова уселся поудобнее, на горн локтем облокотился, песенку замурыкал. Чуть посидел и вдруг опять: «Гриша..., Гриша...»

Не по себе стало Григорию, оглянулся – никого. Решил температуру в горне проверить. Заглянул в горн, а там уже всё красно: и игрушки, и стены самого горна как вишни спелые. Игрушки огнём схваченные, вроде, как и не из глины совсем, а из самого, что ни на есть драгоценного металла редкого сделаны. Так бы сидел и смотрел на эту огненную стихию. И видит вдруг Григорий, как будто в горне из-за игрушек, вышел кто-то и идёт в направлении смотрового отверстия. Потёр мастер глаз кулаком и снова стал смотреть. Вгляделся – видит молодую девушку в кипенно-белом платье, лицом миленькую и красивую.

Горн у Григория просторный. Так если б он смог туда залезть, то и уместился бы. А девушка ростом по локоть руки будет, не выше. От напряжения глаз засвербило. Подумал, что это от долгого смотрения привиделось. Тут вспомнил игрушечник, что дров надо в топку подбросить. Кинулся в сарай за дровами, они у него там хранились. Туда - сюда сбегал, дров охапку принёс, в створ чуток бросил, а сам к отверстию лбом припал, глазом в горн глянул и отшатнулся от неожиданности. Снова припал, другим глазом смотреть стал – всё тоже самое. Видит Григорий, девица по горну ходит и игрушки в руки берёт, рассматривает. Тело у неё белое, щёчки с румянцем, волосы цвета спелой пшеницы длинные, распущенные по плечам спадают.

Смотрит на это диво Григорий и дышать боится, чтобы дыханием это чудо не спугнуть. «Горновица» – подумал Григорий, а сам наблюдает за гостьей. А та, вроде как гостьей себя и не считает, а этак деловито по-хозяйски от одного изделия к другому переходит и что-то едва слышно напевает. Обойдя и осмотрев все игрушки, она взяла в руки игрушку с глиняной подставки, села на подставку и стала эту игрушку рассматривать. А игрушкой этой был глиняный конёк. Видно, что игрушка эта ей очень к душе пришлась. Смотрит она на игрушку, а лицо так и светится от радости.

Долго она так конька рассматривала, поворачивая его из стороны в сторону, затем поставила его рядышком на под и, подняв изящную головку, посмотрела перед собой и вдруг увидела, что за ней наблюдают в смотровое отверстие, но не испугалась, а улыбнулась и проговорила:

– Здравствуй, игрушечник.

– И тебе не хворать, – буркнул Григорий немного смутившись. Он не знал, как себя вести с этой необычной девушкой, что ходит босыми ногами, как ни в чём не бывало по раскалённому поду горна и рассматривает его поделки.

– А ты хороший мастер, – сказала девушка. – Твои изделия очень даже любопытные. Люблю изящность и грацию, хотя простенькое и миленькое меня тоже радует. Простое всегда более душевное и не давит.

«Што это она говорит? Слова чудные и незнаемые, – подумал Григорий. – Што отвечать то?»

– Вы согласны, что грация всегда немного утомляет? – Спросила Горновица. И, не дожидаясь ответа, игриво сказала, – Вижу, обескуражился игрушечник. Слова непонятные говорю. У вас в деревне так говорить неприято. – И вдруг, улыбнувшись, добавила:

– Тебе особенно удаются птицы Гриша.

– Правда! тебе нравится!? – подбодрился от похвалы Григорий.

– Очень. Они просто райские. Нигде и никогда я не видела таких птиц, хотя мне ведомы и заморские игрушечники, но у них такого нет.

– Кто ты?.. раз и заморское тебе ведомо?

Девушка немного помедлила с ответом, а потом этак непринуждённо сказала:

– В разных местностях меня зовут по-разному. В здешних деревнях я Горновица, в других – Печница, в третьих – Углёвка, как кому нравится, так и зовут. Я, Гриша, везде, где есть огонь. Без огня я могу существовать совсем малую толику времени.

– Какой же для Горновицы жар самый приятный? – осмелев, спросил Григорий.

– Такой, какой сейчас – жар спекания горшка, когда глина меняет свойства. Есть в этой жаркости некая услада. Я прихожу в такую среду, чтобы отдохнуть и набраться душевных сил. Вот и в твой горн зашла, думаю – «не прогонишь»?

– А ты красивая. – Оставил Григорий вопрос Горновицы без ответа. – Только красота у тебя особенная. Я даже не знаю, как сказать...

– Правильно заметил, мастер, – улыбнулась девушка. – Глаз у тебя хороший..., верный глаз. У меня и не может быть вашей земной красоты. Я дочь огня, игрушечник. Мне

многое ведомо о чём ты и представления не имеешь. Я знала хорошо твоего деда, славный был мастер. Только задолжал он мне. Обещал игрушку слепить, а не получилось. Может быть мне внук чего слепит памятное... а? И с деда обещание снимет? – лукаво заметила она. – Что опешил? Испугался?

– Есть малость... От неожиданности... – Брякнул Григорий.

– Ну, что ж ты, игрушечник! Смелее... Слепишь меня такую... а-а-а?.. какая я есть, или я тебе не любя, тебе более женская земная красота по нраву? – И вдруг засмеялась. И смех этот звоном заполнил горновое пространство.

– Не... я... что... я ничего... ты красивая... – проговорил Григорий, не зная, что сказать и как себя в этой ситуации вести.

– Красивая, говоришь? – Головкой покачала. – Ой, ли?.. Не об этом думаешь игрушечник. Говоришь не то, потому, что мыслей своих боишься. – И еле слышно спросила, – Ведь любишь..., правда? – И, отвернувшись, добавила. – Твоё дело, мастер, красоту людям являть, вот и являй, коль мило. Знай, Гриша, женская красота в мире на час земной. Моя же красота вечная... Покуда существует огонь и моя красота существует. Я вечная, Гриша... И игрушка твоя тоже вечная. Не надо удивляться. Игрушка создаётся по законам

красоты из глины, из земли. Создаётся при помощи огня... – И вдруг опять засмеялась. А потом замолчала и говорит изучающе. – Не слышал, значит, обо мне? А я всю жизнь тебя знаю и на свадьбе твоей была. Завидовала я твоей Устинье. Ой, как завидовала. Хотела даже сжечь её. Помнишь, как от оброненной свечи её платье огнём пошло.

– Помню... – едва выговорил Григорий. – Потушили, слава богу.

– Ой, ли... – и девушка, покачав головкой, засмеялась. – Не потушили бы... Пожалела я её, а тем паче себя. – И вдруг переменяла тему разговора вопросом: – Игрушку - то больше всего на свете любишь?! Не скрывай. Так, Гриша, так. Жену так не любишь, Гриша, как игрушку. В крови она у тебя, в соке телесном. Жилы твои, как струны, ей музыку играют. Можешь мне ничего не говорить. Я знаю. Редкие такие игрушечники как ты. Избранным такой талант даётся.

– Так, как же... – начал говорить Григорий и зашнулся, потому, как при виде горновой красавицы сказать ничего не мог, мысли путались, а язык во рту превратился в настоящее полено и еле шевелился.

– А я горячая, Гришуня, ой горячая... – проговорила она игриво. – Собери всех женщин мира, а такой теплоты и неги не увидишь, как в

моих объятиях. Я, Гриша, многое могу сделать для того, кто меня полюбит. Только полюбить надо так, чтоб душу мою огненную раскалить. Чтоб полюбивший смотрел на меня и не видел меня, как смотрит гончар на раскалённое в горне изделие и не видит его, ибо просвечивается насквозь раскалённая до бела глина. Дров для этого, Гриша, не надо. Чувство жарче любого огня. Ты уж мне поверь. Я из царства огня и огонь знаю. А хочешь, Гриша, я дам тебе глину такой крепости, что после обжига, её и обухом не разобьёшь?

– Такого быть не может, – сказал Григорий.
– Я все залежи вокруг на двадцать вёрст знаю.

– Все, да не все, мастер. Пойди на озеро, что в Мурском лесу, в самой чаще находится, да и копни около корней вывернутого пня. Копни... копни.– Она вдруг отошла на средину горна и, сдвинув брови проговорила строго: – Прощай, Гриша... Только помни – тот, кто меня хоть раз в жизни увидел, нет тому на земле человеческого счастья. Нет ему покоя. Не мил тому белый свет и веселье человеческое не в веселье уже. Тоска съест его душу и ко мне приведёт. – И, вдруг, исчезла, растворилась в огненном тумане и сама стала огненным туманом.

Крепко задумался Григорий после этой встречи. Молчаливый стал, озабоченность с лица

не сходит. Жена Устинья к нему и так и эдак, дескать, что произошло, почему смурной? А Григорий в ответ только молчит, ус кусает, в сторону глядит, да сына трёхлетку, Андрюшу рукой гладит и в маковку целует. Видит Устинья, что с мужем что-то неладное творится, а что – не поймёт. А однажды Григорий засобирился, взял мешок, лопату и никому ничего не сказав, ушёл в направлении Мурского леса. Вернулся под вечер, зашёл в сарай да и вытряхнул содержимое мешка. В мешке оказалась глина. На вид такая же, как и другие глины в округе. Часть глины Григорий взял и водой затворил, для пробы. Затем из этой глины копилку слепил, высушил с другими игрушками, обжёг в горне.

Через три дня Григорий пошёл горн вскрывать. Он к тому времени уже достаточно остыл и можно было игрушки на божий свет вытаскивать. Снял Григорий верхние кирпичи, что горн прикрывали, стал игрушки вынимать. Вынимает Григорий игрушки, а сам думает: «Может быть и не было никакой Горновицы, может быть всё это привиделось? Ведь в этот обжиг она не появилась». И стал Григорий к этой мысли склоняться. Повеселел даже. Игрушки после обжига домой принёс, на полку, что под самым потолком была, поставил. Каких только игрушек Григорий не делал. Были тут и райские птицы с

причудливыми хвостами, и кроткие голуби. Особенно ему удавались лебеди. «Царская птица», – говорил о них Григорий.

Лебедей крюковские крестьяне видели. Барин привёз несколько лебедей и в барский пруд пустил. К лебедям Прохора приставил, из дворни, чтоб кормил, поил и глаз с заморского чуда не спускал. Прохор так и делал, исполняя волю барина, пока праздник не подошёл. Напился Прохор браги и про вверенных ему лебедей забыл, что в пруду плавали. Охраняя лебедей, он и спал в телеге на берегу пруда. А когда утром проснулся, глянул и, враз протрезвел. Да так протрезвел, что вроде и не пил в жизни никогда. Видит Прохор, что около пруда по плотине одни перья лебединые валяются. Понял, – лисы лебедей съели.

Лисы лебедей съели, а память о тех грациозных птицах в народе осталась. Прохора, за недосмотр, в солдаты, пух лебяжий девки дворовые собрали и сделали для барина подушку а на ней лебедей плавающих вышили. Да так это у них здорово получилось, что барин даже хвастался перед гостями этой подушкой и каждому давал пощупать её мягкость.

Расставил игрушки Григорий на полке, полюбовался сделанной работой, пощёлкал пальцем по копилке, что в виде лебедя была сделана. Хорошая копилка получилась – лебедь в

пруду купается, крылья приподнял, шею этак изогнул и груди головой коснулся. Хоть и жалко было копилку, решил Григорий этой глине экзамен устроить. Вынес копилку во двор, поставил на пень, на котором чурбаки дубовые колот, да и стукнул по изделию поленом. Сделанное из другой глины изделие в крошку бы разлетелось, а копилка даже не лопнула. «Ты смотри! – Удивился игрушечник. – Стоит, как ни в чём не бывало». Ударил сильнее – опять ничего. Взял в руки топор – только искры из – под обуха брызнули. Ещё больше удивился Григорий и даже малость испугался, что же это за глина такая, что её и топор не берёт? Однако, больше из этой глины лепить не стал. Сомнение в душу закралось – правильно ли он поступил, отправившись за глиной? Только тут не жадность была виновата. Жадностью Григорий никогда не страдал, а пошёл за глиной из творческого интереса. Копилку после ударов топором, принёс в дом и опять поставил на полку.

Пришла Устинья, начала ужин собирать. После ужина Григорий сел новые игрушки лепить, Устинья пряха стала, сынишка на печи уснул, на валенке, чтоб от кирпичей не горячо было. Немного погодя все спать легли, лучину задули. Устинья тут же уснула, а Григорию не спится. Встал он воды попить на вторую половину дома пошёл. А как за занавеску зашёл – так и стал как вкопанный.

В комнате свечение странное, по стенам шары светлые серебристые двигаются. Григорий подумал, что этот свет чрез окна идёт и на стены падает. На окно посмотрел – ничего нет, за окном темно, только морозные окна малость серебром отсвечивают. Понял Григорий – свет этот не с улицы идёт, посмотрел на полку, а на полке, куда Григорий игрушки поставил – лебедь мерцает. То, как будто затухает совсем, а затем опять разгорается. По светящемуся лебедю шары более светлые и яркие ходят, будто зарницы на небе играют.

Перекрестился Григорий, лебедя в руки взял, любуется. В жизни такого игрушечник не видел, даже о таком и не слышал никогда. А потом он Горновушку вспомнил. И взяла Григория оторопь. «Её дело, – подумал Григорий. – Разве такое в глинном деле возможно?». Григорий копилку к уху приставил, а из копилки слова доносятся: «А ты, Гриша, с молодой женой нежься, а меня помни. Всегда помни мастер. Копилку эту никому не отдавай и не продавай. Сила в ней». Дальше смех послышался.

Испугаться Григорий не испугался, а оторопь взяла. Лебедя на полку поставил и тряпкой накрыл, сам спать пошёл, а уснуть не может, чувствует озноб по телу пошёл, зубы застучали. Устинью будить не стал. Решил днём

получше копилку рассмотреть. А тут она сама проснулась, пошла в заднюю комнату воды попить, там слабое мерцание увидела, сняла тряпку с копилки, Григорием наброшенную и, ахнув, позвала мужа.

– Гриша! Гриша! Иди сюда. Посмотри, красота какая. Такого ты никогда не делал.– И, видя, что муж медлит, с нетерпением и громче произнесла, – Гриша! Ну, где же ты? Иди скорее. Как это у тебя получилось? Боже мой, какая красота, глаз не оторвать.

Подошёл Григорий, молча взял у жены тряпку и снова набросил на мерцающего лебеда. Глаша с недоумением посмотрела на озабоченное лицо мужа, на его обвислые усы, замолчала, поняла, что здесь что-то не так.

Через две недели Григорию снова понадобилось обжигать игрушки. Только в дедовом горне он обжигать не стал, а развёл огонь в своём. Григорий не знал, как относится к произошедшему с ним случаю при обжиге в дедовом горне и даже старался гнать от себя эти мысли, но они не прогонялись, а так и гнездились в голове. Пока его горн накапливал температуру Григорий взял топор и обухом стал разбивать дедов горн думая: «Вот, оказывается, почему дед велел ему сломать старый горн... Мог бы и растолковать, а то – «сломай» да и только. Ладно...

чего на деда валить. Сам виноват. Горн сломаю, Горновица уже не придёт, потому как она только в дедовом горне, видимо, появляется. Счёты у неё с дедом...».

Через час со старым горном было покончено. Ещё через некоторое время в горне Григория появилось свечение. А потом, когда горн набрал нужный жар, Григорий вдруг увидел в горне ту самую Горновицу. Она зависла в огненном пространстве прямо напротив смотрового отверстия и, смеясь в лицо игрушечнику, проговорила:

– Решил, Гришенька, от меня избавиться. Или я не мила, или игрушка из новой глины не крепка? Горн дедов сломал..., чудачок. Разве горн виноват, что ты мне приглянулся. Иди ко мне, Гриша. Ну, что ты оробел. Думаешь – «сгоришь». Нет, Гришенька, ни один волос на твоей голове и усах от жара не свернётся. Я дочь огня и что ни попрошу – всё огонь для меня сделает. Попрошу – будет тебя на языках своих оранжевых носить, искрами забавлять, зарницами играть... Пламя – мой слуга. И ты, если б я захотела, давно стоял передо мной, удерживаемый им, так что и пошевелиться бы не смог. Только ты не бойся, молодец. Я этого не сделаю. Что с этого толку. Не свободная любовь – не любовь. Сколько раз я пыталась влюбить в себя парней силой, – она

горько усмехнулась, – из этого ничего ни разу не получилось.

– Почему ж не получилось? – спросил Григорий.

– Мы, жители стихий, не можем понять человеческую душу. Она нам непонятна и потому притягательна. Мы понимаем, что человек будучи, по сравнению с нами, немощен обладает тем, чем мы не обладаем. Скольких юношей я в порыве злых эмоций испепелила. Нет, не испепелила, не то слово. От них, в физическом смысле слова, ничего не осталось, даже пара. Однако, уничтожить человека, превратить его в едва заметный дымок – ни есть победа. Это всегда поражение. Это я осознала потом. Ах, Гриша, как мне хотелось превратить тебя в пепел, при виде того, как ты ломаешь дедов горн. Как мне хотелось расплавить твой железный топор, а горн, который ты так усердно рубил, одним дыханием своим превратить в стеклянный блинчик. Ах, как мне этого хотелось... Но, я, Гриша, не стала этого делать... Понимаешь... не стала. Это одна огненная суета и слабость. Я хочу, чтоб ты меня полюбил простой человеческой любовью. Просто так полюбил, как ты полюбил Устинью. Ведь ты её полюбил не за наряды. Хотя, какие у неё наряды... Раньше я представала перед избранниками во всём своём огненном благолепии, я делала их богатейшими

людьми мира. Я ведь могу любой камень сделать драгоценным... Только всё это ничто.

Горновицаа замолчала, немного отступила и вдруг, посмотрев на Григория с усмешкой, сказала. – Я, Гриша, твоей человеческой любви мешать не буду. Это ваши человеческие жёны хватаются за мужей, дескать, никому не отдам. На них при этом без смеха глядеть нельзя... А, впрочем, Гриша, какая там любовь и верность... Сам подумай... Ты же игрушки свои глиняные ни на что не сменяешь? Ведь так?– Помедлила и не дождавшись ответа, проговорила. – Молчишь, Гришенька, молчишь. Сказать тебе на это нечего, потому как сила ваяния в тебе сильнее всего на свете. И не говори мне «нет». – Добавила утвердительно, – Так, так, Гриша, и не спорь. Сравни сам, какая в тебе любовь выше – к женщине или к игрушкам?! К игрушкам у тебя, Гришенька, любовь неземная. Эти чувства повыше всего будут, потому, как даны тебе мироправителем в виде таланта. Спутниц жизни ты можешь менять, а вот талант, единственный и неповторимый, ты игрушечник, сменить не можешь. Не в твоей это власти. Ведь так? – И засмеялась весело и задорно. А, отсмеявшись добавила. – Так мастер, так. За этот талант ты, глинолеп, и ответишь, когда твой срок жизни на земле кончится. За него, милый.

Использовал ли ты талант в должной мере? Как ты им распорядился?

– Зачем ты мне всё это говоришь? – озлился Григорий, чувствуя, как эта умная бестия выбивает из - под него последнюю опору и этой опорой была его семья. Он так всегда считал.

– А затем я тебе это говорю, что я хочу жить вечно, Гриша, и быть вечно с тобой. Но я, одна из стихий Земли, увы, не вечная в мирозданье. Я тебе неправду говорила, что я вечная. Я знаю, что придёт время, и Земли не будет, она сгорит. И сгорит она не от внутреннего жара. А сгорит от более сильного огня, который испепелит и Землю и её стихии.

– Я знаю это, священник в церкви наемни говорил. Потом, у меня в приятелях Прокопий – дьяк из Казанского прихода Ворушаевской церкви, с ним нередко беседы ведём. Большого ума человек. Когда у нас в деревне бывает, всегда у меня в доме останавливается. Барский сын из Петербурга приезжает – мимо моего дома не проходит. Мы с ним в детстве дружили.

– Ты не обижайся. – Миролюбиво сказала Горновица. – Никто тебя лаптем не считает. Ты очень и очень славный и житейски мудрый человек. Договорились?... Не будешь обижаться?

Григорий кивнул и, помолчав, спросил:

– Ты боишься за свою жизнь!?

– Не совсем так,– ответила Горновица.– Если вы со своим дьяком такие грамотные скажу: в древних знаниях огня есть утверждения о том, что избежит смерти только любовь и всё то, что ею благословлено. Я не совсем понимаю это выражение. Любовь ведь не вещество, это не камень, не вода. Непонятно. Я предполагаю, что вечен только человек, а точнее, его душа, которой я ни разу не смогла обладать так, как бы мне этого хотелось. Она всегда зримо уходила, проходя через пространства великих температур. Никакие огненные преграды не смогли ей помешать. Никакой температурный предел её не удержал.

– Разве это о чём-то говорит? – спросил Григорий.

– Это говорит о многом.– Перебила его Горновица. – Если б я научилась этому человеческому чувству – любить, то я бы тоже приобщилась к вечности, я бы обожествила свою огненную душу и стала бы такой же бессмертной как и человек. Во мне тоже бы были две сущности. Я знаю человека. Чем он немощнее и слабее, тем бессмертнее и могущественнее. Я видела много раз души слабых, больных и немощных... Я знаю... Я хочу быть Гриша слабой, я хочу быть немощной... В человеческой немощи сила, но почему? – я не знаю. В мире стихий всё наоборот.

– Это вряд ли возможно...– сказал Григорий. – По нашей православной вере – простая телесная немощь силы не даёт, это обыкновенная дряхлость, не более.

– А что даёт?

– Прокопий говорит, что должна быть цель бессмертия.

– А что такое, Гриша – цель бессмертия? Я действительно этого не знаю. В древних знаниях огня об этом ничего не сказано... Там говорится только о том, что стихии земли всегда находятся в противоборстве и единстве.

– Прокопий сказывал, что цель существования, это единение с Богом, с Творцом всего и вся. И что Бог – это и есть сама любовь...

– И, если словом «любовь» обозначить человеческую душу... то...

– Это не можно...

– Знаю... Гриша... знаю. И потому мне хочется научиться плакать. Плакать, как плачет твоя Устинья и другие люди. Ведь они плачут от земной слабости... правда? Я видела их в ваших храмах. Я наблюдала за ними из огня зажжённых свечей. Они там тоже плачут. Только они там совсем другие. Я не могу тебе этого объяснить... Но, их слёзы сильнее огня. Я не могла на эти слёзы смотреть. Они обжигали меня, не смотря на то, что я сама огонь... Я тоже иногда плачу, только мои

слёзы текут огненными струями, в них нет бессилия и силы одновременно, как в тех, что я видела в храмах. Когда я злюсь – я становлюсь молнией и это всегда ужасно. Я не люблю себя за это.

Ты тоже, Гриша, стихия, твой дух – стихия, только стихия более мудрая и глубокая, способная покрыть все другие стихии, способная оживотворять и напитывать нас содержанием и более глубоким смыслом нашего бытия. Мы это видим и ужасаемся вашей, покоящейся в дремоте силе и не можем приблизиться к вам, так близко, как бы нам хотелось. Вы не знаете, что вы боги, а мы знаем, что вы боги. Мироздатель бережёт вас от этого знания, чтоб вы не повредились. Потому, что только бог имеет вечную жизнь. Только, почему вы находитесь на земле – мы не знаем? И вы всегда поступаете не так как мы, ну почти всегда, за редкими случаями. Я знаю, что вас подвигает на эти поступки. В вас есть некое облачко таинственной энергии, которое, когда вы так поступаете, всегда производит некий танец. Я называю его танцем вашего незнаемого духа, вашего внутреннего созидания. И чем энергичнее и прекраснее танец этого облачка, тем величественнее ваши поступки и тем светлее становится это облачко. Ты этого не знаешь, но ты это чувствуешь. Твоё облачко, Гриша, производит

великолепные танцы, самые лучшие, что есть у людей, это так. Это облачко танцует, когда ты лепишь свои игрушки. И чем красивее игрушка, тем великолепнее в тебе танец облачка. Каждая, слепленная тобой игрушка, наделяется частью твоего облачка и они тоже, по сути, вечны. Я была бы очень счастлива, если б часть твоего танцующего облачка осталась и во мне. Сотвори, Гриша, во мне меня, пусть я тоже стану твоей игрушкой...

Помолчала. Спросила, искоса поглядывая на игрушечника.

– Ты этого не хочешь делать. Ведь так? ».

– Так... – Григорий тряхнул кудрями. – Нельзя нарушать соответствия... – Он помолчал и вдруг спросил, глядя прямо в глаза Горновицы: – А можешь ты объяснить, почему ты выбрала меня, игрушечника?.. Без всяких там танцующих облачков? – И он сделал замысловатое движение рукой.

– Не скажу... – сказала вдруг она игриво и совсем по-женски.

– Почему же?

– Секрет. – И Горновицаа, улыбнулась Григорию так, что у него, как-то приятно защемило сердце. Здесь она отодвинулась в оранжевом мареве к дальней стенке горна и оттуда громко со

смехом проговорила. – Дрова прогорели... Игруше-чник... – и исчезла.

Такие встречи стали проходить каждый раз, когда Григорий начинал обжигать изделия. А вскоре, к Григорию пришёл сосед Демьян-горшечник. Подошёл, когда Григорий колол дрова для обжига.

– Здорово, сосед.

– Здоров..., сосед. Чего я тебе спонадобился?

– Дело у меня к тебе есть.

– Что за дело?

– Деликатное дело, Григорий. Слышал я неделю назад, как ты с кем-то разговаривал около горна. Смотрю – никого нет, а ты, вроде, как и на вопросы отвечаешь, и сам вопросы задаёшь.

– Не знаю, ты о чём, – грубо ответил Григорий.

Ой, ли... Только я, Григорий, всё знаю. Когда ты в сарай за поленьями пошёл – я к горну, да в отверстие смотровое и заглянул...

Демьян до этого смотрел на Григория испытующе и с хитрецей, а после того, как он признался ему в том, что видел Горновицу, стал почему-то заискивать перед игрушечником и вдруг перешёл на шёпот. Видно он сильно волновался.

– И что из того, что видел огненную бабочку? – спросил Григорий, не зная, что сказать Демьяну и пытаясь собраться с мыслями.

– А то, Григорий..., то-о-о... – продолжил Демьян.– Ты сам - то, не знаешь или притворяешься? Так если с этой Горновицей поласковее, то и дров для обжига готовить не надо будет. А обжиг, не мне тебе говорить, почти полцены горшка тянет. Смекаешь? Знаю, что смекаешь, только почему-то пнём прикидываешься?

– А от меня-то ты чего хочешь!?

– Жалости хочу... Снисхождения ко мне и моему семейству. В нужде бьёмся. Пудами глину перелопачиваем, а достатку, сам знаешь – нет, и не предвидится. Тебе глины лопата нужна для игрушек, а мне пуды для горшков.

– А чего ты от меня-то хочешь?! – озлился Григорий.

– Отдай её мне Гриша... Богом молю... . – Он упал на колени. – Она ведь, девонька эта, тебе не нужна совсем. Я же это из разговоров понял, потому и рискнул к тебе подойти. Я же честно, без злого умысла, в открытую...

– Так возьми, Демьян! Как брат - то будешь, кузнечными клещами что ли да в карман?– Григорий засмеялся. – Карман прогорит.

– Это моё дело, Гриша, – суетливо проговорил Демьян. – Главное, чтоб твоё согласие было, а там я всё улажу. Ты только один раз дай мне обжечь мои горшки в твоём горне. Добро?

– Обжигай, если так уж невтерпёж, – и Григорий пожал плечами. На этом разговор закончился. Но не закончился у него разговор со своей женой. Когда Григорий с соседом разговаривал, Устинья топила печь. Не успело в печи как следует разгореться пламя, как Устинья увидела в огне маленького роста девушку с пшеничными волосами. Устинья отшатнулась от печного жерла и, думая, что это ей почудилось, заглянула в печь ещё. Нет, не почудилось. Девушка сидела и раскачивалась на горящем полене, а, увидев Устинью, проговорила:

– Не слишком ласково, Устинья, гостей встречаешь.

У Устиньи от её слов и от испуга застрял комок в горле. «Горновица», – подумала она. Девушка, ни мало не смутившись, продолжала говорить.

– Ой, Устя. Не завидую я тебе. Людская жизнь на земле – сплошные муки и забота о хлебе насущном. Ведь так!?

– Так, – вымолвила Устинья, не понимая, куда клонит незваная гостья.

– Радостей – то, Устя, – всего ничего. – Продолжала говорить девица, – а там ещё болезни всякие липнут, скот падает, в поле неурожаи... Перечислять можно долго. А, самое страшное, согласишься, – пожары, ведь верно?

– Да, уж. Вор стены оставляет, а огонь и стены пожирает, – ответила Устинья, следя за каждым движением Горновицы. Особенно её поразило лицо девицы. Оно, улыбаясь – не улыбалось. Всё было как-то не так. «Почему она заговорила о болезнях, а закончила пожаром? – крутилось в голове у Устиньи.– Она кто – демон? Батюшка говорил, что демон связать может, и холод от него, что сразу узнаешь. Да и не слышала я, чтоб демоны в пламени были. Странно. Нет, мне этого не понять, а раз пришла, то обязательно пояснит, раскроется. Эвон как её пламя от горящих дров облизывает, а ей ничего...»

– Довольно, уйди прочь. – Сказала девица и пламя, липнувшее к ней, тотчас отшатнулось от неё. – Ты, наверняка, думаешь о том, кто я и зачем к тебе пришла? – Спросила Горновица. Немного помолчала и продолжила. – Всё, Устюша, просто. Я – дочь огня. Мне пламя служит и предо мной преклоняется Я тебе, твоим детям, твоему дому хочу помочь. Я избавлю вас от пожара и болезней. Согласна? – Не дожидаясь ответа на вопрос, продолжила. – Все болезни, милая, боятся огня. К

тому же, для твоей печи не надо будет дров. Её кирпичи зимой всегда будут в меру горячими, а в доме будет тепло, как летом. Разве это плохо? – Она испытующе посмотрела на Устинью и добавила. – А твоё жаркое никогда на сковороде не подгорит. – Она испытующе улыбнулась.

– Кто ж этого не хочет...,– проговорила медленно собираясь с мыслями Устинья. – Только у нас принято за всё платить. Денег же у нас не густо,– преодолевая спазм в горле, сказала Устинья.

– А деньги и не нужны. – Торопливо сказала девица. – Ты о них не думай. Жить будешь, Устюша, припеваючи. А плата, плата не велика. Откажись от Григория...

«Понятненько. Вот теперь всё встало на свои места». – Подумала Устинья и, иронично улыбнувшись, сказала:

– Что ж ты ко мне пришла? С ним бы этот вопрос и решала.

– Нельзя, Устинья, этот вопрос без тебя решить.

– Пыталась, значит уже..., ну...ну. – Усмехнулась Устинья. – Отказал...

– Нет у меня, Устюшенька, возможностей семьи рушить. Сила в них, мне неведомая, такая сила, что сила огненная, по сравнению с ней –

ничто. Вот я и хотела с тобой любовно договориться.

– На выгодных условиях, значит.– Сыронизировала Устинья.

– Мил мне Григорий. Ой, как мил. А я бы твою жизнь устроила. То, что у вас здесь ценится – у нас грязь. Я дочь огненной стихии, я смогла бы сделать тебя счастливой.

– Счастливой, по-твоему, это не болеть, не гореть и полные короба в закромах, так что ли?

– Для меня, Устя, это не так. А у людей, это в большинстве случаев так. Вот я и подумала... Ты ведь человек более земной, чем твой игрушечник. Он небожитель. Его душа принадлежит более мирозданию, чем ему самому. А ты, земная, должна и рассуждать по-другому...

– Совести у тебя нет и не будет никогда. Прощевайте... – Сказала решительно и грубо Устинья, задвинула печную заслонку и, чувствуя как слабнут ноги, прислонилась спиной к печи.

– Что такое совесть?! – выкрикнула из-за заслонки дочь огня. Устинья не ответила. Из печи послышались всхлипывания, затем из - под заслонки вдруг, как вода, побежал огненный ручеёк, вроде металла расплавленного. Он был уже готов стечь на пол, но Устинья, поняв, что возможен пожар, быстро подставила горшок и огненная струйка стала стекать в глиняную

посудину. Затем огненный ток ручейка прекратился, а накалившаяся докрасна печная заслонка стала остывать. Устинья опустила на скамейку и, закрыв лицо ладонями, заплакала то ли от бессилия, то ли от радости. Возможно и от того и от другого вместе.

«А что же с Перерытым озером и со светящимся лебедем? – спросит читатель. – Не так же просто сказитель описывал это забытое людьми место?».

Всё правильно. И вопрос законный. Мы не будем подробно выписывать детали обжига Демьяном своих горшков в горне Григория. Скажем только, что обжиг этот состоялся. Знаем от людей то, что сосед не раз похвалялся, что теперь он горшки с малой толикой дров обжигает. А скоро и совсем обжигать не будет, потому как есть такая глина, что обжига не требует. Слепил из неё горшок, высушил и хорошо. Воду ни в жисть не пропустит. А уж креп-ка-я..., слов нет. Горшок, из неё сделанный, хоть поленом колоти, хоть санями на него наезжай, а ему хоть бы что. Глина эта недалеко находится, а вот где, он пока не знает.

Слушал эту Демьянову похвальбу и Григорий, жевал при этом ус и только хмыкал на очередной выверт соседа. Он-то хорошо понимал, кто за всем этим стоит. Демьян же, знай соловьём

поёт. А по весне его вдруг в деревне не стало. Видели люди, как он запрягал лошадь в телегу, как клал в неё лопаты, верёвки и другие инструменты и как рано поутру выехал со двора в направлении Мурского леса. Всё лето не было Демьяна в деревне. Жена Прасковья одна по хозяйству с сыновьями управлялась. А ближе к осени забеспокоилась. Сама в лес идти не решилась, а пришла к Григорию и стала просить его сходить в Мурский лес на озеро, что Григорию известно, и посмотреть, что там делает Демьян, потому как у неё на душе тревожно – не сгиб бы.

Григорий в начале отнекивался, но соседка была настойчива и слезлива, а Григорий слёз не любил и, вняв мольбам женщины, отправился в Мурский лес. По мере приближения к озеру до Григория начали доходить отдалённые звуки: то удары, то скрежет, а по мере приближения к месту стали слышны позвякивания и отдельные выкрики. Только напрямую к озеру Григорий не пошёл, а решил зайти с боку а, приблизившись к озеру, хорошенько рассмотреть, что же там происходит?

Он так и сделал, зашёл со стороны, пробрался по кустам бересклета и, раздвинув последние кусты перед озером, изумился. Изумился он открывшейся перед ним картине. А картина эта состояла в следующем: перед ним

лежало совершенно без воды озеро. С боку озера в направлении оврага Григорий увидел прорытый канал. По этому каналу и была спущена из озера ржавая вода. На дне озера было ещё достаточно мокрой и подсохшей по краям тины с глубокими трещинами в три пальца ширины. Там, где земля на дне подсохла, зияли вырытые глубокие ямы, а по краям ям виднелись большие камни-дикари. Видно, наткнувшись на них, землекоп применил верёвки и вытащил их при помощи установленного на берегу озера, сколоченного из стволов деревьев воротила.

Больших ржавых камней было навалено много и около воротила. По дну озера были проложены дубовые гати от ямы к яме, для удобства передвижения по топкому месту. Над одной из ям на дне озера то и дело взлетала земля и доносилось кряхтение. «Демьян роет – подумал Григорий, – больше некому в этом месте быть».

Через некоторое время, земля перестала взлетать над ямой и над краем её появилась голова обросшего до неузнаваемости человека. Голый по пояс, в измазанных землёй подштанниках Демьян (а это был он) подтянувшись, вылез из ямы и сел тут же на выброшенную чёрную сырую землю и стал отирать пот со лба. Через малую толику времени он стал размахивать руками и что-то говорить взволнованно, с выкриками.

«Не с ума ли он сошёл?» – подумал Григорий, но тут же отбросил своё предположение, потому как увидел по ту сторону ямы, на камне, сидящую Горновицу. Именно с ней и разговаривал Демьян. Григорий стал вслушиваться в разговор.

– Ты утверждала, что на дне этого проклятого озера находится чудодейственная глина!!! Я поверил! А её здесь нет, я всё озеро перерыл! Одни ямы рою, другие закапываю и всё бесполезно! Ты обманщица, а я доверчивый идиот, поверил в твои сказки!

– Что ты так, Демьян, убиваешься, что плачешь? – Послышался голосок Горновицы. – Не даётся тебе глина. Сам виноват. Григорию далась, а тебе нет, а он всего пять раз лопатой копнул, – и засмеялась весело и непринуждённо. – Ушла в недра глина. Теперь её не достать, далеко ушла. Я дочь огня, но не хозяйка недр. Обидел ты видно чем-то Недровицу, вот она и опустила слой глины на недосыгаемую для человека глубину.

– Чем же я мог обидеть эту Недровицу? Я ж её никогда не видел...

– Мысли твои она увидела, расположение твоих душевных сил. Этим и обидел.

И вдруг Демьян схватил лопату и замахнулся на Горновицу:

– Убью стерва!!!

После этих слов, из камня на котором стояла Горновица ударил в небо столб рыжего огня, а Горновица оказалась в середине этого огненного столба. Демьян отпрянул, выроненная из рук лопата тут же сгорела, даже металл превратился в пар.

– Прощай, молодец,– проговорила Горновица и огненный столб, отделившись от большого камня, завис в воздухе, а затем, облетев озеро по краю берега остановился напротив Григория. Глаза Горновицы и Григория встретились. Горновица, немного смущённо пожала плечами, улыбнулась краешками губ, согнула в локте руку и одними пальцами раза три помахала игрушечнику, а огненный столб заколебался, стал деформироваться и вдруг превратился вместе с Горновицей в большую, необычайной красоты огненную птицу с длинной шеей и причудливо изукрашенными жаром крыльями и хвостом. Птица, взмахивая крыльями и искрясь, стала медленно подниматься над озером, затем над деревьями, затем ускорила движение, стала удаляться и, наконец, превратилась в летящую хвостатую звезду. Демьян же стал выкрикивать вслед огненной звезде ругательные слова и с остервенением бросать в её направлении комья земли, которые тут же плавилась и падали в озеро большими рыжими

каплями. Потом горшечник повалился на свежевыкопанную землю и заплакал.

Много с тех пор времени прошло. Место, где находится Перерытое озеро преобразилось: осыпался канал, запрудив выход из водоёма, в озере опять набралась рыжая гниlostная вода, выросли новые деревья, а срубленные и выкорчеванные Демьяном сгнили и только одни камни-дикари, вросшие наполовину в землю, остаются вечными памятниками разыгравшейся здесь человеческой трагедии. Копилка, сделанная мастером из необыкновенной глины, затерялась. Может быть ещё и найдётся, ведь разбить её невозможно.

Михаськин холм

Поехал я однажды в поля и луга за травой. Трава она всегда нужна. Тут если что заболит, без неё не обойтись, а больше я травяные люблю чаи готовить. Интересные, я вам скажу, напитки получаются. В общем, не о травах будет речь, собрался, сел в автобус и махнул подальше от города. Но и не так, чтоб далеко, рассчитывая управиться за один приезд.

День был погожий. Ярко и даже игриво светило солнце. В общем, насобирал я травы, вдоволь походив по лугам и оврагам, и решил уже в обратный путь трогаться. Напоследок взошёл на невысокий холм, на припёке там свои травы растут. На самом верху холма остутился, и такая боль щиколотку пронзила, я аж вскрикнул. Тут мне не до трав стало.

Солнце уже к горизонту клонится, идти надо, автобус скоро, до трассы километра три, а я шагнуть не могу. Решил немного полежать на холме, чтоб нога успокоилась, а там уж и идти потихоньку если сможется. Прилёг на траву, гляжу в остывающее после полуденной жары небо и чувствую необратимое желание вот так лежать и никуда отсюда не уходить.

Уж стал немного подрёмывать, как вдруг услышал музыку. Я даже не мог понять откуда она

льётся, то ли с неба, то ли из под земли идёт? Ничего не понимаю. Я её слышу, а гармониста не вижу. Играет саратовская гармошка с колокольчиками. Вслушиваюсь в музыку. Невероятно. Архиздорово. Я и сам умею на саратовской играть, но не так. Наверное, так сыграть никогда в жизни не смогу, а вот оценить мастерство играющего мне по силам. Слушаю игру и понимаю – играет виртуоз. Я даже ни разу не слышал, чтоб так искусно играли, хотя многих саратовских гармонистов знаю и их игру слышал.

Музыкальные переливы и взбадривающие мелодичные звоны колокольчиков обволакивают душу негой. «Мне хорошо здесь, – говорит душа. – Не уходи отсюда... Радуйся со мной... Ты же никогда не слышал настоящей музыки... Слушай. Это больше чем музыка, это больше чем игра. Это на тебя сошло божественное произволение. Гармонист играет для тебя. Не торопись. Разве ты когда-нибудь ещё такое услышишь?..» И вдруг, вижу, вроде как в дымке фигуры двигаются.

Присматриваюсь. Точно, хоровод. Парни и девушки в старинных одеждах. Гармонист в косоворотке пояском опоясанный, на саратовской гармошке играет; девушки лентой в сарафанах изукрашенных движутся по кругу и песня... Непонятно ведёт себя гармонист. Он ходит, играет и заглядывает в лица девушек, будто кого-то ищет

и не находит. Девушки ему улыбаются, а он посмотрит в лицо, раз... и отпрянет, и снова играет, играет.

Смотрю – бесподобно. Точно на экране огромного до облаков телевизора всё происходит. Не могу поверить – реальность ли это, а может быть киношные съёмки?! Странно... Сон... Явь... Всё смешалось в моём сознании. Гармонист, такой, будто нарисованный. А как играет! Как играет! Хочется, затаив дыхание, лежать, и смотреть, смотреть на это нечаянное диво. Откуда оно? Что за ним стоит? «Это, наверное, музыкальный мираж, – осеняет меня. – Ведь есть миражи в океане, в пустыне, а почему не быть миражу ещё и звуковому, этаким музыкальной пространственной галлюцинации?». Мой вопрос повис без ответа. Но вот громкость обволакивающей меня музыки стала уменьшаться и, наконец, сошла на нет. Будто растворились и исчезли и фигуры гармониста и девушек.

– Вот это да-а-а-а... – проговорил я. Долго не могу прийти в себя. Как-то ничего не укладывается в сознании. Я всегда считал себя неглупым человеком, но сейчас чувствую себя конченным глупцом. Мне нечего сказать самому себе. Я не могу объяснить случившееся.

Хочу встать на ноги, но не тут-то было. Боль в щиколотке, было поутихшая, когда я лежал, тут

же дала о себе знать. Я понял, что ни на какой автобус я уже не успею, не ходок, а вот подумать о ночёвке стоит. Прежде всего, надо доковылять до поросшего деревьями оврага. Там можно соорудить небольшой шалашик и переждать ночь.

Потихоньку спускаюсь с холма и вижу – у оврага вахтовая будка стоит. К этой будке, край оврага стадо телят идёт. Я обрадовался. Оказывается здесь стадо на выпасе, а вон и пастухи мельтешат. Пока спускался с холма и тащился по лугу, засмеркалось. Рядом с будкой пастухов появились отблески костра. Медленно, кое-как перетаскивая ногу, приближаюсь к будке. Рядом с ней вижу недостроенный загон для телят. Белёсые колья загона и перекладины тускло мерцают в вечерней зыби.

Навстречу с лаем выскакивает лохматая собака. - Бутус! Фу! – доносится до меня молодой голос. – Не бойтесь, он не тронет. Только подойдёт, обнюхает и всё. Вы не шевелитесь – предупреждает меня голос.

Выполняю указание. Бутус обнюхивает мои ноги, колени и отходит в сторону. Пастухи не очень обращают на меня внимание. Они возятся с костром, который уже довольно сильно разгорелся, прикрепляют над ним котелок с водой. Видно готовятся что-то варить. Мы познакомились. Высокий, с неделю не бритый пастух, Степан,

выделяется из всех своей рыжей бородой и огненной шевелюрой. Оказалось, что он балагур и весельчак. Другой пастух совсем молодой и смахивает на подростка – Гришка. Это он мне кричал. Гришка всё время улыбается, и его молодые усики-пушинки смешно двигаются. Выяснилось, что они здесь не одни. Есть ещё бригада строителей, сооружает загон для телят.

Вскоре к костру подошли двое строителей. Все разместились около костра, над которым булькает в котелке варево. Я присматриваюсь к присутствующим. Из строителей выделяется Иван Иваныч – тучный мужчина с большими на голове залысинами, пушистыми усами и добрым умным взглядом. Его напарник сел к костру боком и его лицо не очень видно. Это Пахом. Он часто кашляет, видно простужен.

– Ну и когда закончите городить? – спрашивает Пахома Степан.

– Вопрос не ко мне, – отвечает Пахом, – вон лучше бригадира спроси, – и кивает на Иван Иваныча.

– Завтра довяжем, – проговорил тот. Все расположились около костра.

Я посетовал на больную ногу.

– По болезням и травмам у нас Степан спец, – сказал Гришка и кивнул на рыжебородого.
– Поможешь гостю?

– Это можно, – отозвался Степан. – Давай, кажи свою ногу, – проговорил он хрипло. Я стянул ботинок и носок. Степан осмотрел ступню, кое-где понажимал, отчего я несколько раз вскрикнул, затем широко, открыто улыбнулся и резко дёрнул стопу. Огненная боль пронзила ногу. Я вскрикнул и со стоном повалился набок. Когда боль немного утихла, услышал голос Степана:

– Я поначалу думал растяжение. С этим пришлось бы повозиться, а тут жилка за жилку зашла. Вот я и поправил. Боль скоро утихнет.

Боль действительно понемногу проходила и я вскоре почувствовал свою ногу совершенно здоровой. А потом был скромный ужин и долгий неприхотливый разговор, во время которого я и поведал собравшимся о слышанной мной загадочной музыке на холме. А вот о виденных мною гуляниях, умолчал, подумают, что у меня что-то не то с головой. Хотя потом об этом пожалел.

– Ты что, действительно музыку слышал с неба или из под земли? – спросил, обращаясь ко мне, немало сомневаясь, Гришка. Мой рассказ о саратовской гармошке и неведомом музыканте произвёл на него сильное впечатление.

– А ты подумал, что тебе враки рассказывают, – по доброму вставил Иван Иваныч

и пригладил крохотную кучку волос меж залысынами.

– Эффект наверное такой в здешних местах, – вставил Пахом. – Я мельком об этом слышал, только подробностей не знаю. Запрудили и землю и воздух всякой гадостью, чего там только не ползает и не летает, вот и падает на нас, а мы затылки скребём и себя спрашиваем, дескать, откуда это? Может какой-нибудь новый Тесла в Америке появился, вот и ставит свои опыты. Я читал, что Тунгусский метеорит это его рук дело. Башню он в Америке какую-то установил и с молниями экспериментировал. Там сочинили Тунгусский, а здесь знать Сельцовский.

– Почему сельцовский? – спросил Гришка.

– А потому, – ответил Иван Иванович. – Где мы сейчас чай гоняем, раньше деревушка небольшая стояла, Сельцом звали, потому и сельцовский. – Он немного помолчал и продолжил. – На одни враки другие наслаиваются. Я вот что вам скажу про эту музыку, – и строитель внимательно посмотрел на меня. – Об этом ещё моя бабушка Федора сказывала. Дело-то давнее. И это совсем не враки. Наш гость ничего не придумал. Действительно, на Михаськином холме, так он называется, часто люди игру на саратовской гармонике с колокольчиками слышат, только не все этому сподобляются... не все. Нашему гостю повезло. Уж

несколько лет никто ничего подобного не слышал и вот опять проявилось.

– Да ты расскажи, что знаешь... – предложил бригадиру Пахом, – интересно ведь.

– Расскажу, если слушать будете.

– Да ты говори, не тяни резину, – заинтересованно протянул Гришка.

Иван Иваныч, сев поудобнее, начал рассказывать:

– Произошло это в самом Сельце, в то самое время, когда саратовская гармошка с колокольчиками стала по губернии распространяться. Жил в Сельце старик с внуком Михаськой. Старик, его Спиридоном звали, пас деревенских коров, а Михаська подпасничал. Летом они пастьбой занимались, на жизнь копейку зарабатывали, свою печь не топили и щи не варили, а по договорённости каждый день в новом доме питались по очереди. Некогда пастуху летом себе щи варить. Чуть свет он уже с кнутом по деревне идёт и коров собирает. Михаська всегда с дедом. Вот так тихо, мирно и шло. Оно бы так и дальше шло, если б не случай.

Пошёл Михаська в город на барахолку себе штаны купить, старые то уже совсем поизносились, заплатка на заплате. Новые-то немалых денег стоят, а на барахолке можно по сходной цене и

подобрать. Да ещё наказ дедов выполнить. Спиридон на выполнение этого наказа денег дал. Что за наказ, уже не помню, только пришёл он в Саратов и на Сенном базаре увидел, как мужичок лихо на гармошке с колокольчиками играет. Люди около него так и толпятся.

Первый раз Михаська увидел гармошку с колокольчиками. Другие гармошки видел, а такую, чтоб и с колокольчиками – не видел никогда. Так он весь остаток дня и простоял около гармониста и глаз с его гармошки не спускал, что и про штаны забыл, и про дедушкин наказ. Пришёл он в сельцо из города в тех же заплатанных штанах, но с гармошкой под мышкой. Как он её сторговал – никто не знает, но факт остаётся фактом. Фактом было и то, что пока Михаська до Сельца шёл, а это без малого шесть десятков вёрст, то и играть на гармошке выучился. В сельцо вошёл уже не гармонистом-шелкопёром, а мастером и уважаемым жителями человеком. Гармонист в любой деревне на виду. А тут и представляться не надо, гармошку издалека слышно.

Дед Спиридон было хотел пожурить внука за то, что вернулся в тех же штанах и за то что его наказ не выполнил, да не стал, понял, что купленная гармошка не фунт изюма, вещь солидная, привлекательная и, как потом выяснилось, она и в пастушеском деле помощница.

Если раньше дед Спиридон коров по всей деревне собирал и в луга правил, то теперь было достаточно Михаське выйти за околицу, растянуть гармонику, так со всей деревни к нему коровки и топают. Михаська их до того натренировал, что они у него и на обед под звуки гармошки идут и вечером домой тоже. А если какая бурёнка не туда пошла, то Михаське достаточно дзинькнуть в колокольчик и та сконфуженно возвращается в стадо.

Так бы оно и шло, только подрост Михаська, выломался в красивого парня. На него стали девушки засматриваться. И находилась среди них одна, что была особенно любя молодому пастуху. Звали её Пелагеей. Нравились они друг другу. А встречались на том самом холме, где вот он, – бригадир кивнул в мою сторону, – ногу облезил, не так наступил и в кротовину попал.

После такого вступления все притихли и насторожились. Вон как дело-то поворачивалось и хотелось всем узнать, что за звуки на холме я слышал? А Иван Иваныч, как заправский рассказчик, выждал минуту- другую, чтоб усилить внимание, продолжил.

– Что уж там говорить, играл Михаська мастерски. О нём слава по округе шла. И как в таких случаях бывает – следом за славой ходит

зависть... – бригадир умолк, достал из костра прутик с пламенем, прикурил и бросил прутик в костёр.

– Что, кто-то позавидовал, что Михаська своей игрой на свадьбах много денег зашибает? – спросил Пахом. – Знамо, так и было... Это как пить дать.

Рассказчик улыбнулся.

– Нет, было совсем не так. – Отмёл предположение Иван Иванович. – Играл, конечно, Михаська и на свадьбах и на других гуляньях, только денег он за свою работу не брал. В этом-то и вся заковыка. Профессия у парня была не денежная и не привлекательная. Пастух есть пастух. А ведь мог бы с кнутом по лугам в дождь и ветер не ходить, одной бы игрой на гармошке зарабатывал гораздо больше. А он нет, как пас, так и пас. Из-за этого у них с Полюшкой и разногласие вышло. Девушка считала, что каждый труд должен оплачиваться и его игра тоже, а Михаська по-другому думал: «Работа делу рознь, – говорил он. Работа для пропитания, а дело для улады души. Вот моя игра – есть дело, и я не хочу даденный мне божий дар превращать в работу».

– Это он зря так, – возразил Степан. – Любой труд должен вознаграждаться... А как же. На этом мир стоит – потрудился – получи...

– Давай, Иван Иванович, рассказывай дальше. А ты, Степан, свои замечания потом выскажешь. – Осадил его Гришка. – Дай дослушать.

– Да я что... Попросите продолжить – продолжу. Скажете «замолчи» – замолчу. – проговорил рассказчик. Он немного помолчал и заговорил снова. – Это дело с вознаграждением не так просто решалось. Полюшка на своём стоит, а Михаська на своём – не буду, – говорит, – божий дар с яичницей путать.

– Почему с яичницей? – спросил Гришка.

– Потому и с яичницей, что она идёт на усладу живота, а не духа, – пояснил бригадир. Потому и пословица такая в народе родилась, как не путать божий дар с яичницей. Пословицы тоже на пустом месте не рождаются.

– Не знаю как там у Михаськи, а я как поем яичницы, так у меня душа больше брюха радуется, – весело проговорил Гришка. Все засмеялись, а Иван Иванович своё слово в строку вставил:

– Молодой ты ещё, Гриня, не понимаешь. Михаська из высших соображений за игру плату не брал, потому как считал музыку делом божественным. Ведь он как научился играть- то? Повторяю: Бабушка Федора рассказывала, что играть он научился – пока шёл из города в Сельцо. Вот так. Шестьдесят вёрст прошёл и в деревню вошёл уже состоявшимся гармонистом.

– Твоя правда, – подытожил возникший спор Степан. – Другие гармонисты годами меха муржат, а такой силы игры не достигают. Играют, конечно, деньги берут, потому как это у них и есть работа, а Михаська никогда свою игру работой не называл. Может быть потому и не называл, что чувствовал в себе её божественное происхождение.

– Верно понял, – хвалебно сказал бригадир. – Так оно и было. Не каждый достигает тех вершин. Ведь прежде чем взять гармонику в руки, тягу в себе к ней надобно ощутить. В душе у человека должно быть для этого божьего дара место приготовлено. И не где-то на кухне, или в сенцах человеческого тела, а в его красном углу. То есть в сердце. Например, к тебе человек в гости идёт, разве ты не позаботишься об угощении и постель ему не приготовишь, если он не на один день приходит!? Это ты для человека обязательно приготовишь, для твари земной. А тут речь идёт о даре божьем. Для дара место по-иному устраивается. Покажу на примере. Спрошу! Люди в деревне Михаську любили? Любили. Стало быть чувствовали его душу и его неотмирность тоже чувствовали. Михаська три шкуры с сельцовских за пасьбу драл? Нет, не драл, а бывало и бесплатно бурёнку неимущей бабке пасёт. Вот так и место в душе приготавливалось... Добрыми делами. По-другому это место не обихоживается.

– Что не возьми в жизни человеческой, всё к ним сводится, к душе и сердцу, – вставил Пахом.

После его слов разговор на время затих. Видно, каждый думал о своём. Летняя тёплая ночь к тому располагала. Чуть потянул ветерок. Он как ласкучий, игривый котёнок покрутился возле моих ног, прыгнул на колени, поиграл пальцами рук, встал на задние ноги, достал ушками до подбородка и потёрся головой о шею, приятно пощекотав кожу.

«Осталось только помурлыкать» – подумал я и улыбнулся ласкам ночного гостя. – А, в общем, он такой же, как и я, странник, прибившийся к теплу и доброте. Все мы под этим звёздным небом странники: и летающая ночная птица, и ветерок, и я, и пастухи, и даже всполохи на горизонте. Все мы любимся друг другом, все мы друг другу непонятны, и в тоже время так бескрайне близки и притягательны. Слава Тебе Создатель за то, что мы есть, что есть этот костёр, этот ветерок, эти мои собеседники и пёс, что подошёл к костру и принюхивается к оставшемуся вареву.

– Как остынет – налью и тебе, – сказал Степан Бутусу.

«Прелестно Бутус! Прелестно. Как всё это бесконечно дорого и бесконечно мило: лохматый Бутус у костра, потрескивающие в огне полешки,

мой лекарь Степан с огненно-рыжей бородой, склонивший голову Пахом... – продолжал удивляться я.-

В общем, я немного расслабился. Вон Иван Иваныч принялся крутить вторую козью ножку. Сейчас он возьмёт горячий прутик, прикурит и начнёт рассказывать дальше. Так оно и есть».

– В этом деле не только Полюшка была задействована, но и мелкопоместный молодой барин Евсюков, – продолжил рассказ Иван Иваныч. – В простонародье барина звали просто Евсюк. Барин Полюшку любил, девчина к Михаське тянулась, но и Евсюка особо не отталкивала. Евсюк к Полюшке приступом, а та лукаво ему говорит: «Научишься на гармошке с колокольчиками играть, вот тогда и посмотрим». Нравилось ей, что он грамотен, в обращении деликатен и собой недурен. Только вот чего в тех речах у девчины больше было, то ли действительно расположение или желание поводить барина занос, кто знает?

– Девки это могут, – поддакнул Гришка, – сам знаю. По собственному опыту.

– Нечего было ему глазки строить. – Буркнул Пахом. – Одного любила, а другого тоже далеко не отпускала. Так оно и выходит. От этих баб одни беды да происшествия, – и нервно сплюнул.

– Может быть она думала, что таким образом отвадит Евсюка, не будет барин учиться на гармошке играть? Только промашка вышла, – предположил Степан.

– Может быть вы и правы. – Продолжил рассказчик, – Евсюк гармошку купил, в Саратове учителя нанял, ну и давай аккорды разучивать, да левую клавиатуру с правой в игре соединять. – Надо барину отдать должное – ученик он был настойчивый и с неплохим слухом. Одолел барин гармошкину грамоту и снова к девчине.

Тут рассказчик выдержал паузу, откашлялся и продолжил:

– Может быть оно и так, только в этом деле другая история вышла. А как ты, Пахом, дело видишь, так это совсем несложно. Евсюк же решил не просто научиться на гармошке играть, а обязательно переиграть Михаську. Упорный был и завистливый. Ему было мало – просто освоить игру. Ему надо освоить инструмент так, чтобы и коровы на его игру шли, как у Михаськи, и чтоб люди его игрой восторгались, бабы чтоб с удовольствием плясали и припевали под его музыку.

Если с людьми у него всё было в порядке, то с коровами не очень. Не внимали Красотки и Малинки Евсюкову искусству. Он даже утром на околицу приходил и гармонь растягивал, только у

него ничего не выходило – коровы никак не шли на его призывные аккорды. Когда же их просто хозяйки провожали за околицу, то бурёнки шли мимо и даже голову в сторону играющего Евсюка не поворачивали, будто его там и не было. С этим Евсюк уже ничего поделаться не мог. Тут всё как на ладони, Михаська заиграет – коровы около него. Евсюк гармонь растянет – никакого внимания. Мало того, одна корова даже вознамерилась боднуть рогами гармониста. После этого случая барин уже таких экспериментов не ставил.

– Вот ведь какая умная тварь эти коровы...
– изумился Гришка. – Коровы, коровы, а чувствуют разницу и фальши не терпят.

– У них уши большие, – брякнул Степан то ли в шутку, то ли всерьёз.

– Видно, они не только ушами на музыку реагируют, но и всем нутром. – Сказал Пахом.

– По-твоему и рогами тоже? – подсмеялся над Пахомом Степан. Потом резко оборвал смех и добавил. – А если серьёзно, то они не фальшь улавливали. Думаю, что Евсюков играл хорошо. Они тех ноток любви в его игре не чувствовали. А тут, как правильно не нажимай на клавиши, результата не будет.

– Знак это тебе был на холме. – Как пить дать, знак, – сказал, щурясь мне в глаза, бригадир.

– А уж, что за знак и как им распорядиться, дело твоё. Я же доскажу, раз начал:

Люди в странном видении на холме усмотрели, как Михаська не просто играл, а играя, ходил и в лица девушкам заглядывал, вроде как искал кого-то, а не узнавал. А девушки его спрашивают, кому он в лицо заглянул – «Не я ли?», «А может быть я?» И тому есть объяснение. Полюшка то от него отступилась и к барину ушла. Они обвенчались и тут же уехали то -ли в Москву, то- ли в Питер.

– Эка беда! Бросила... – зло сказал Пахом, – девок полна деревня. Выбери себе по душе и всё тут.

– А ему другой было не надо. Он эту девчину любил. – Вставил Гришка. – Продолжай, Иваныч.

– Так-то оно так, – рассказчик покрутил ус, – для одних это просто, а для других нет. После Полюшки Михаська уже ни с кем из девчат не встречался. Скажу больше. Люди стали замечать в поведении своего пастуха разные странности, вроде как с головой у него что-то не так стало. По Сельцу ходит и встречных спрашивает: «Вы Полюшку мою не видели? Здесь Полюшка не проходила?» и тому подобное. Одним словом – видно тронулся парень. Но это только досужие разговоры. Одни говорили, что тронулся, другие в

это же время это отрицали. А вот то, что он каждый день на холме в саратовскую с колокольчиками наигрывал, это верно. Бывало так жалостливо играет, что душу рвёт, а у иных слёзы текут.

– Вот потому он и заглядывал в лица, свою ненаглядную искал, – выдохнул Гришка.

– Чем же всё это кончилось? – спросил я.

– Чем, чем? – Встрепенулся Иван Иванович.

– Кончается это всё смертью, конечно. Чем же это всё может кончиться!? Ей, милой.

– Что? Просто пришёл домой, лёг и умер? – требуя уточнения, спросил Пахом.

– Можно сказать и так. Только он не в доме умер, а на холме. Просто умер, тихо.

– Как? Совершенно здоровый человек, пришёл на холм, поиграл на гармошке, лёг и умер?! – Не сказал, а буквально выкрикнул Гришка.

– Да. Как ты, Гриша, сказал, так и произошло... Поиграл и умер. – Подытожил бригадир. – Сердце не смогло выдержать этого...

– Любовь у них такая была невзаимная. – Прохрипел Степан. – Зачем ей идти за пастуха, когда рядом барин копытом бьёт.

– Не скажи... – Федора говорила, что Полюшка через пару лет после смерти Михаськи приезжала, побывала на его могилке, погрустила, поднялась на холм, положила там цветы, постояла

со скорбно склонённой головой и уехала. Значит, чувствовала и она, что потеряла... Не могла не чувствовать, иначе бы не приехала.

Какое-то время сидели молча. У каждого из головы не выходила эта история. Круглолицая луна скупо освещала, изрезанную оврагами местность, серебря лица и выдёргивая из темноты корявые стволы одичавших яблонь и высокие остовы высохших груш. Это всё, что осталось от былой деревеньки. Обвалившиеся погреба и подполья, некогда стоявших здесь домов, густо поросли высокой крапивой и чернобылом. Кажется жизнь здесь замерла, остановилась. Но, это не так. Через целые столетия донёсся до меня голос эпохи о которой можно, разве что, прочитать только в учебниках истории. Но, даже в учебниках истории о том, что я услышал и увидел на холме вряд ли напишут. Это, как теперь говорят, не формат. Это удел не серьёзной прессы.

Нарушил тишину Иван Иваныч:

– Когда покойный Михаська в переднем углу лежал, люди слабое звучание саратовской гармошки слышали. Главным же чудом было – после его смерти то, что холм заиграл. В деревне стало традицией во время бракосочетания молодым на этот холм приходить. В начале приходили, потом стали на тройках приезжать... Если молодожёны на холм приходят, то слышат,

как саратовская гармоника с колокольчиками играет. А иногда молодые видят самого Михаську с гармошкой. Тогда его люди ещё помнили и могли распознать. Наиболее смелые из молодых на холм взбегали, когда Михаську видели, да только не прикоснуться, ни поздороваться с ним не могли, потому как проходили сквозь него руки. Потом это стало затухать. Редко уже кто мог сказать, что слышал игру на Михаськином холме или кому Михаська показался.

– А сейчас кому показывается? – спросил Пахом.

– Нет, теперь никому не показывается, одну музыку люди иногда слышат. И то, если Михаське пара, что пришла на холм, мила.

– Как это мила? – спросил Гришка.

– Мила – это значит, что молодые не по расчёту сходятся, не по принуждению, или ещё почему, – пояснил я.

– И что сбывается, такое утверждение? – спросил Степан.

Иван Иваныч крикнул, кашлянул и выдал:

– Сбывается или не сбывается, ничего на это не скажу, а старожилы говорят, что те пары, кому Михаська не играл, то недолго в радости жили. В общем, повезло тебе, захожий человек. Мы тутошние, а только слухами пользуемся, а ты вот сподобился сам услышать.

Разговор угас. Тлеющий костёр радовал редкими синеватыми всплохами. В загоне закашлял телёнок. На Сельцо навалилась тихая духмяная ночь. Из всей компании я оказался, по их меркам, самым счастливым.

Переночевав у пастухов, наутро я с тяжёлым сердцем покидал эти места. Было как-то не по себе. Я чувствовал себя так, как чувствует себя человек, не отдавший вовремя долг – и денег нет, и совесть мучает. Я даже начал думать о том, что зря, редко беру в руки гармонь. Ведь когда-то неплохо получалось. Затем увлёкся другим и вот скромный результат.

Погода наутро немного сломалась, поползли лохматые перистые облака, подул холодящий затылок ветерок. Надо было торопиться. После этого случая я ещё несколько раз заезжал в это место, только на играющем холме я ничего больше не слышал.

Февраль. 2022 года.

Хлебный дух

Эту историю мне рассказал дед Стафор. И я расскажу как он говорил, всё в точности, а вы уж сами смекайте, что в этом правда, а что вымысел. Речь- то в рассказе идёт о стародавних временах, может быть, что и наслоилося от пересказов. Возможно и дед Стафор тут не причём. Только пересказы от этого хуже не стали, а приобрели некоторую таинственность.

Начну я повествование с того, что на Филипповской хлебопекарне в Саратове работал мастер-хлебопёк по имени Фрол. Хороший мастер, молодой, сильный. Сила у мастеров-хлебопексов тогда особо ценилась. Попробуй без силы в большой квашне муку затворить. Замешивали муку с водой большой деревянной лопатой похожей на весло. Широкой лопатой промешать ни у кого силы не хватит, а вот лопатой узкой, в виде весла, в самый раз.

Процесс этот, по подготовке теста к выпечке обыкновенного хлеба сложный и трудоёмкий, а уж про выпечку саратовского калача и говорить нечего. Его-то и выпекал мастер Фрол. Мастер-калачник был одинок, семьи не имел, потому для него хлебопекарня была, можно сказать, родным домом и производством, вместе взятыми. Комнату для Фрола производство

снимало, только мастер там мало бывал. Спал он прямо в цеху на квашне с тестом. Накроет её крышкой, под голову старый валенок сунет и хорошо. Снизу от квашни немного тепло идёт, сбоку от хлебопекарной печи тоже.

По началу работы в пекарне главная задача у Фрола была, это не проспять время выстойки и выемки теста из квашни. Будильников тогда не было, одни ходики висели на стене для отслеживания мастерами процесса выпечки. И вот эта задача – не проспять, была самой трудной для молодого и здорового парня. Тесто в квашне после затворения должно было выбраживаться не меньше трёх часов, а то и больше. Это как дело пойдёт.

Со временем организм у Фрола стал работать как часы. За несколько лет работы в пекарне он его так натренировал, что в какой час скажет себе проснуться, то обязательно проснётся. А вот, когда такой тренировки не было – было худо. Поперву глаза сами смыкались и размыкаться не хотели. Что заставило Фрола сделать нехитрый механический будильник.

Голова у Фрола ой как соображала. За это соображение его начальство и ценило. Так вот, сделал Фрол песочные часы, которые в аптеке видел. Насыпал в бидон с узким горлышком чистого, просеянного и прокалённого песка и

заставил этот песок через трубочку высыпаться в другую ёмкость. При наполнении, вторая емкость теряла равновесие и сваливалась, производя грохот.

И вот, на тебе, чуть не продремал. И наверняка бы это и произошло, если бы не одно обстоятельство. Очнулся Фрол от того, что кто-то по пекарне ходит и покашливает. Кто ходит? Фрол не видит, в помещении сумрачно, ночь на дворе, а шаги явственно слышит. Фрол от этого покашливания очнулся и первым делом на ходики посмотрел. И тут, не то чтобы рассматривать кого-то, сломя голову с лежанки соскочил, крышку с квашни сорвал и ну добавлять к опаре соль, сахар, оставшуюся муку... Добавил, снова тесто замесил, крышкой накрыл и на квашню улёгся. Можно было ещё час полежать, пока тесто подойдёт. А уж когда подойдёт, тогда и делёж по порциям надо производить, а потом и за подкаты можно браться.

Калачное тесто особого внимания требует, иначе калача хорошего не получится, а тут чуть не продремал. За такое по головке не поглядят. Утром десятки людей придут за свежими калачами, а их нет, потому что, видите ли, на Фрола сон напал. Ладно, если кому из мирян калача не досталось. Так были ещё и развозные. Губернатору – калач, городскому голове – калач, судьбе – тоже, а там и

другим чинам... Об этом ему развозной дядька сказывал.

После того, как Фрол все дела сделал, он вдруг вспомнил про шаги и покашливание. В помещении кроме него никого не было, разве только мыши. К мышам Фрол относился снисходительно. Их в пекарне хватало. Они доставляли хлопот о-го-го сколько... Мешки с мукой прогрызть для них обычное дело. Потому муку ссыпали в деревянные лари. Ларь мышам труднее прогрызть, но со временем и с этой задачей они справлялись. Стали оббивать лари тонкой жостью. И тут серые выходы находили. В общем, борьба с мышами велась постоянно.

Только тут была совсем не мышь. А кто же? «Может быть, мне это покашливание привержилось, я потому и вскочил?» – подумал мастер. Но, тут же отмёл это предположение.

Лежит Фрол на квашне и не спится ему, и даже не дремлет. Всё в голове шаги и покашливание. Так и пролежал целый час в потолок глядя. Время подошло тесто на заготовки калачные делить, а Фролу вдруг робостно стало. Он встал, обошёл помещение, заглянул за кадушки и квашни – никого; посмотрел в каждый ларь – тоже пусто. Немного успокоился, тесто поделил на заготовки и стал их подкатывать, воздух из них

выгонять, слоистостью заниматься. Две подкатки сделал, хватит, после этого тесто по жестяным формам разложил, поближе к печке поставил, чтоб потеплее было, на расстойку. Перед закладкой форм в печь, около часа ждать надо. Без этого никак.

Ждёт Фрол, на ладонь облокотился, вроде как подрёмывать стал и вдруг опять шаги, и знакомое покашливание за дверью. С мастера дремоту как ветром сдуло. Подумал: «Может быть, из-за этих шагов его ко сну и клонит? Этот кто-то возможно на него наваждение насылает?». Выпрямился, сидит, по сторонам смотрит. Вокруг никого, тишина, только в керосиновой лампе фитиль потрескивает, да мышь где-то скребётся. А шаги всё ближе, ближе. Вот дверь запертая открылась. Крючок сам с пробоя слетел, на косяке покачивается и вроде как, силуэт в дверном проёме обозначился.

Фрол не робкого был десятка, а тут ноги у него вдруг сами собой обмякли. В комнате розоватая дымка появилась. В розовости просматривается мужчина, выше среднего роста с короткой окладистой бородкой с усами, в руке трость, на ногах высокие сапоги, на голове шляпа.. Он подошёл к Фролу. От незнакомца пахнет печёным хлебом. Мастер подумал, что это кто-то

из мельничных, судя по одежде, на купца смахивает, а откуда запах хлеба?

– Ты кто? – Спросил Фрол строго. – У нас здесь посторонним нельзя, калачи делаем...

– Я знаю, что это пекарня, а не заезжий дом, – просто сказал незнакомец самым обыкновенным голосом.

– Тогда, што вы здесь, господин хороший, делаете?

– Я к тебе пришёл, сударь.

– Ко мне?? – удивился мастер.

– Да-да, к тебе, мастер Фрол, к тебе.

– А зачем? Я тебя не знаю.

– Правду ты сказал. Верно – ты меня не знаешь, а вот я тебя знаю. Знаю потому, что занимаюсь, в определённом плане, твоими делами.

– Как это?

– Ну..., скажем,... я неким образом слежу за работой мельниц и хлебопекарен. Знаю, что, где и как происходит. – И ночной гость неопределённо покрутил растопыренными пальцами в воздухе на уровне плеч.

– А что же я вас никогда не видел и про вас не слышал? – продолжал задавать вопросы мастер, не зная как называть гостя.

– Не надо было, вот и не слышал. – Просто сказал пришелец.

– А теперь что, надо стало?.. – спросил мастер, окончательно прогнав с себя первый испуг.

– Я всегда держал тебя, Фрол, за умного человека... – Ночной гость мягко улыбнулся.

– Не надо меня хвалить... – насупился Фрол.
– Скажи мне прямо – ты кто? – Этот вопрос немного поставил незнакомца в тупик.

– Я.. Гм... – пришелец пожевал губами, свернул их в трубочку, затем, пожал плечами и просто сказал. – Для вас я дух. – И уточнил: – Хлебный дух.

– Дух запаха что ли? – Спросил Фрол. – То-то я чую – от тебя свежим хлебом попахивает.

– Думать можно по-разному. – Коротко и несколько туманно ответил Хлебный дух.

– А имя-то у тебя есть? – продолжал допытываться Фрол. – Я вот, Фрол, а тебя как зовут?

– А как придумаешь, так и зови. – Немного сконфуженно ответил Хлебный дух.

– Ты что, бес что ли? – Продолжал задавать вопросы мастер. – Это ты на меня сон нагонял?!

– Фу..., какие неприличности ты говоришь... – сказал Хлебный дух и поморщился. – Ты за кого меня принимаешь? Бесы – это из другого репертуара, а вот твоя сонливость, это моих рук дело, – и Хлебный дух расплылся в улыбке. –

Боялся, что ты меня сразу прогонишь, а сонливость этому мешает.

– Не знаю за кого тебя принимать, – нервно ответил Фрол. – Ты мне ничего не говоришь, вот я и прикидываю что к чему?

– Если хочешь знать – я неким образом являюсь покровителем. – Хлебный дух запнулся и добавил, – покровителем саратовского калача.

– Ты смотри-и-и!!! – вырвалось у Фрола. – Куда хватил! То сон нагоняет, то вдруг покровителем калача стал...

В это время в дверь постучали. Фрол пошёл открывать. Открыл, посмотрел, оказывается, пришёл допекало Ефим. Узнав, что садки ещё нет, сказал, что придёт чуть позже и удалился. Фрол вернулся к квашне, но Хлебный дух исчез, зато стоял мучной мешок, которого раньше не было. Как только мастер подошёл к мешку, из него выглянула голова покровителя. Волосы на голове и усы у Хлебного духа были в муке. Шляпу он держал в руке. Тут ночной гость громко чихнул, обдав Фрола облачком мучной пыли.

– Будь здоров, коллега, – сказал Фрол, смеясь, потому что пришелец выглядел в мешке весьма комично.

– Тебе тоже не кашлять. – Ответил Хлебный дух, выбираясь из мешка.

– Что ж ты в мешок забрался, да ещё в мучной? Поинтереснее ничего не мог придумать? – смеясь, спросил мастер.

– Это первое, что пришло в голову, – отряхиваясь от мучной пыли, проговорил Хлебный дух. – Приходится использовать те приёмы, что вам, людям, более всего понятны по сказкам, тогда вы меня легче воспринимаете. Если б я не спрятался в этот мешок, на котором ты лежал, а просто исчез, стал невидим для человеческого глаза, или принял форму кошки, то ты обозвал бы меня бесом, не так ли?

– Я и сейчас думаю, что ты один из них, только без хвоста.

– Неправильно думаешь..., – продолжая отряхиваться, говорил ночной гость. – Я из дальнего мира, а бесы, это жители вашего мира, только вами невидимые.

– Как же вас различить? – поинтересовался Фрол.

– Очень просто. Если ты будешь крестить беса и читать молитву, то он исчезнет, а я нет. На меня законы вашего мира не действуют. Я живу в другой парадигме.

– Что это ты за слово такое сказал – па-ра-диг-ма. – Произнёс в растяжку Фрол.

– Ну, другая реальность что ли, так для тебя понятнее?

– Да, да. Только мне это слово понравилось
– па-ра-диг-ма. Можно я тебя так звать буду?

– Зови, как тебе нравится. – Хмыкнул
Хлебный дух. – Хоть парадигмой, хоть ещё как.

– Этой пара... парадигмой..., и буду тебя
звать.

Ночной гость расхохотался.

– Ну! Уморил... Право слово, уморил...

– Слушай, Парадигма. Хватит смеяться.
Скажи прямо, зачем явился? Только отвечай, а не
финти. Знаю я вас. – Напустил на себя важности
Фрол.

– Ладно... ладно... . Не сердись. Сейчас я
пришёл предупредить тебя о чрезвычайном
событии. Когда это событие надвинется, ты должен
будешь принять в нём участие.

– О, какие новости! – Изумился Фрол. – А
твоя, какая в этом корысть?

– Корысть такая, что я в своей системе
отвечаю за особенное чудо вашей цивилизации.
Этим чудом из чудес является ваш хлебный
саратовский калач. Я отвечаю за его изучение. Он и
в нашей цивилизации воспринимается, как
необычное явление. Так что будем сотрудничать.

– А почему именно со мной? – Мало
соображая, что говорит Парадигма, задал вопрос
мастер.

– А потому говорю с тобой, что нет у вас в пекарне человека, кто знает дело лучше, чем ты, – ответил Хлебный дух. – Теперь мне пора. Я заговорился с тобой, извини, ухожу и не прощаюсь...

Тут вокруг квашни и Фрола закрутилась мучная пыль и Хлебный дух исчез.

Этот ночной приход весь день не давал Фролу покоя. Он нет-нет да и вспомнит про ночного гостя и его странную речь.

– А что, – обратился Фрол к кладовщику Спице, – как ты думаешь? Может Хлебный дух к хлебопёкам являться, или это сказки?

– Это во сне тебе привиделось или наяву произошло? – Уточнил кладовщик серьёзно. Фрол утаил от него суть дела, мало ли что. Расскажешь про этого Парадигму, засмеёт.

– Разумеется, наяву. – Буркнул Фрол.

– Значит, грядут какие-то события, – ответил Спица с ходу. – Мне свояк о Хлебном духе рассказывал... Он даже с ним разговаривал, а потом и духа не стало, и сам куда-то сгинул, хотя славный мастер хлебного дела был. Кренделя выпекал. О-го-го. Сейчас таких уже в Саратове не пекут.

– Ты мне о его встрече с Хлебным духом расскажи, а ты о кренделях, будь они не ладны.

– Что тебя так разняло!? – усмехнулся Спица. – Особо свояк ничего не рассказывал. Говорил только, что от этого духа сильно свежеиспечённым хлебом пахло. Да грустил крендельщик после этой встречи сильно. Посадит бывало на колени младшенького, по головке его гладит и грустит, грустит. Вот как это было. А потом и не стало человека. Слухи ходили, что его Хлебный дух к себе забрал, кренделя ему выпекать. Врут, конечно. Только на чужой роток – не накинешь платок.

Дальше Фрол слушать Спицу не стал, рассуждения друга на этот счёт Фролу были неинтересны. Зачем ему рассуждения и догадки, когда он лично этого Парадигму из другого мира видел и с ним разговаривал. Плохо, что Фрол малограмотен и не мог этого духа получше обо всём расспросить.

За дневными заботами, Фрол о Хлебном духе как-то забыл, но наступила вторая ночь и Парадигма явился снова таким же образом как и раньше.

Затворив тесто, Фрол прилёг на крышку квашни отдохнуть. Время было позднее, только сон в связи с последними событиями никак не шёл. Наконец мастер стал понемногу задрёмывать и вдруг сквозь дремоту слышит, как дверь в

помещение отворяется, затем шаги. Фрол быстро открывает глаза и видит Хлебного духа. «Опять пришёл. Вот кому не спится» – подумал мастер.

– Очнулся?! – спросил ночной гость весело и присел рядом с квашнёй на лавку. – А я думал, что ты на все запоры этой ночью закроешься. А ты нет, молодец...– Он помолчал. – Да, я опять пришёл и мне не спится.

– Что толку. Запирайся не запирайся, ты всё равно войдёшь, – отметил Фрол, – Открывание тобой двери это только, чтоб меня не испугать. Вон и мысли умеешь читать...

– Правильно думаешь. – Хлебный дух улыбнулся. – Пришёл я к тебе затем, чтобы узнать секрет саратовского калача. Научи меня этой премудрости. В нашем мире есть много чего для вас удивительного, а вот такого калача, что ты выпекаешь, нет и испечь его мы не можем, хотя до тонкостей знаем, как ты всё это делаешь.

Я ведь долго за тобой наблюдал, прежде чем проявится. Хотел узнать секрет этого чуда, только у меня ничего не получается. Беру муку, воду, дрожжи, делаю опару, всё так, а не выходит. – Парадигма пожал плечами. – Даже устанавливаю такую же температуру в пространстве, как у тебя вокруг твоей квашни, всё не то. Почему? Не знаю. Может быть, ты подскажешь? Я отблагодарю...

Фрол, выслушав гостя, скромно улыбнулся.

– А я -то, целый день голову ломаю, чего тебе от меня надо? А оно вон что! Значит, исчезать и появляться умеем, мысли читать умеем, а простого калача испечь не можем...

– Не можем... – скорбно произнёс Хлебный дух, склонив голову. – Много чего можем, а этого не можем. Помоги мне, Фрол! Объясни, почему он у вас такой получается, мягкий, пышный, вкусный?! Я брал лучшую муку в Европе и Америке – не получается. Я брал лучшую муку саратовских мукомолов – не получается. В чём секрет!? Почему самое лучшее из лучшего у меня не работает!?

– А потому, – глядя в упор на Хлебного духа, заговорил Фрол, – Что самое, по-вашему лучшее, таковым для калача не является. Вы думаете, что размололи муку до мелкой пыли и гоже? Нет, негоже. Тем самым вы лишили муку способности созидать. Вы что же думаете, что это Фрол калач поднимает и его структуру устраивает? Моё дело муке помочь в её собственном созидании. Моё дело ей работу облегчить и применить те приёмы, что помогут мучке выстроить не халупу деревенскую, а замок. Ведь что такое наш калач? Саратовский калач это красивейшее создание природы, а человек в этом деле только помощник! – Мастер для важности поднял палец вверх.

Они помолчали.

– Так какова твоя, Фрол, помощь этой самой вашей природе? Какова твоя роль во всём этом? Будь добр, открой тайну!

Фрол задумался. «Как этому пришельцу объяснить то, что сокрыто в калачном деле?». И он начал рассказывать.

– Моя помощь заключается в том, что я для строительства его величества калача применяю мучную крупку. А ты используешь при строительстве одну пыль. Ты хоть и испаряться умеешь, а того не осознаёшь, что здесь крупка всему голова.

– Я считал, что ваша крупка это недостаточный промол зерна из-за технического несовершенства ваших мельниц, – пояснил пришелец.

– Сам ты техническое несовершенство, – парировал Фрол, но тихо.

– Что ты сказал? Я не расслышал. – Поинтересовался Хлебный дух.

– Я тебе говорю, что крупка – это строительный материал, потому и калач такой пышный. Каждая мучная крупинка в нём имеет свою силу и своё достоинство, а ты «несовершенство мельниц... несовершенство мельниц...». Сила каждой крупинки складывается в общую силу, потому и калач после того, как его испекут и на него сядут, вновь свою форму

принимает. Так происходит потому, как калач мощь имеет и не черствеет долго потому же...

– А подкаты, это тоже секрет строительства хлебного замка? – спросил вкрадчиво, на полутоне Парадигма.

– И подкаты тоже, и применяемая вода, и температура в печи. Всё это материалы и способы строительства.

Потом они долго говорили о воде, о температуре и внутреннем чувстве достаточности у хлебопёка.

– Не будет этого внутреннего чувства времени, душа не скажет, когда надо калач в печь ставить, то хоть лоб расшиби – будут у тебя калачи получаться через раз или через два раза, – толковывал Фрол Хлебному духу.

– Фрол, ты говоришь загадками. Я не понимаю, что это такое – внутреннее чувство достаточности? – с досадой говорил ночной гость.

– Это, Парадигма, когда тебе душа говорит, что не время ещё брать тесто из выстойки, хотя часы говорят об обратном.

– Вот это мне и не понятно. Часы, это мировой прибор на земле. Как это не доверять часам, а верить непонятно чему, этой вашей невидимой душе, – очень удивился Хлебный дух.

– Я смотрю, в вашем мире такой важный инструмент как душа, отсутствует? – То ли констатировал факт, то ли спросил ночного гостя Фрол.

– А я вижу, что вы душе доверяете больше чем часам. Это что, более точный инструмент, чем часы? Ваши полезные книги ничего не говорят о душе, как инструменте, – парирует Парадигма.

– Как тебе, дружище, объяснить, – начал мастер. – Вот температура в хлебопекарне в разных местах не одинаковая. Потому и тесто в них по-разному созревает. У порога лучше совсем не ставить, не выстоится. Вот душа и подсказывает – готово тесто, или нет?

– А что, разве нельзя везде сделать одинаковую температуру? Разве это большая сложность? Создали везде необходимую температуру и зачем в этом случае душа? – сопротивлялся Парадигма.

– Может быть и можно, только это не в нашей пекарне и не сейчас.

– Вот! Вот! – торжествующе произнёс Хлебный дух. – Вы не хотите головой думать. Вам легче свалить всю ответственность на мифическую душу. И не надо об этом. Ты меня всё равно не переубедишь. Ты мне лучше тайну саратовского калача открой.

– Так я и открываю! – Удивлённо произнёс Фрол.

– Вот и открывай.

– Я и открываю, а ты не слушаешь, а споришь.

– Я уже слушаю.

– Вот слушай и не перебивай, а то ничего не поймёшь. – Мастер немного успокоился и продолжил посвящать Парадигму в тайны выпечки калача. – Вот, например, вода для затворения. – продолжил Фрол. – Из одного колодца берёшь – калач получается просто чудо. А из другого колодца возьмёшь воду – коровий ошлёпок выходит, а не калач.

– Даже так!? – удивился Парадигма. – Сколько у вас в этом деле особенностей, Фрол. Я и не думал, что ваша цивилизация настолько тонкая и в то же время грубая. Смотрю – ездят на лошадях, машины как табуретки, трамваи – убожество. Куда не посмотри – везде примитив. Бац! И тут калач.

– А у вас что, совсем не так? – обиделся Фрол.

– Конечно не так. Мы не ходим, а просто перемещаемся в пространстве. Мы не разговариваем, а просто читаем мысли. Нам не надо телефонов – тысячи километров для нас не

расстояния. У нас много чего есть, что тебе, Фрол, даже во сне присниться не может.

– Интересно вы живёте... – проговорил мастер. – Много дивного ты рассказываешь, слушаешься. Даже и не понятно, как это может быть? Всё интересно!

– Да уж, что есть, то есть. – Гордо произнёс ночной гость.

– Многое вы можете, а вот наш калач выпекать не умеете. – Вставил Фрол и этим срезал Хлебного духа. Куда у того и гордость подевалась. Пришелец как-то притих, заискивающе посмотрел на Фрола и произнёс:

– Может быть, ты пойдёшь со мной в наше измерение и научишь нас своему ремеслу, а? Саратовский калач, это триумф вашего земного мира. Он станет обязательно триумфом и в нашем мире.

– Как же я вас научу, когда вы души не знаете? – Изумился Фрол. – Калач – дело душевное. Без этого никак нельзя, не получится.

– Но, ты такой мастер, Фрол! Я думаю, что ты всё можешь. – Похвалил Фрола Хлебный дух.

– Не уговаривай. Я к вам, Парадигма, не поеду, хотя всё что ты рассказываешь, очень интересно.

– Вот видишь, тебе интересно! Значит, у меня ещё есть надежда тебя уговорить... –

обрадовался ночной гость. В это время кто-то хлопнул дверью в сенцах, видно это Ефим, и Хлебный дух исчез.

На этом разговор Фрола и Хлебного духа оборвался.

На третий день после появления в пекарне Хлебного духа в пекарню приехали сразу три хозяина мельниц, что в Саратове по берегу Волги стоят и муку в пекарню поставляют. Они зашли к управляющему пекарней в кабинет и о чём-то долго беседовали. После того, как гости уехали, вызвал к себе управляющий Фрола. И не просто вызвал, а когда тот вошёл – он его в кабинете за стол посадил, сам напротив сел и доверительно спрашивает:

– А не мог ли ты, Фрол Тимофеич, калач испечь в пять раз больше, чем те, которые мы делаем?

– Да без проблем, – отвечает мастер.

– А в десять раз больше?

– И с этим справлюсь, – Отвечает Фрол, а сам думает: «К чему это начальник клонит?».

– Хорошо! – говорит тот, – а в сажень высоты сумеешь сделать, чтоб и пропорции соблюсти? – А сам этак с хитрецей смотрит и ждёт, что ответит Фрол.

– С сажень! – Удивился Фрол и, подумав, ответил: – Для того, чтобы сделать в сажень высоты, надо муки ни один мешок, квашню с восьмерик от вашего кабинета, форму жестяную и печь, чтоб поместилось. По-другому никак не получится. Припёк будет большой.

– Спасибо, Фрол! – Сказал начальник, за точный и ясный ответ и за то, что не спасовал. Иди и подумай, как всё это обустроить? Я под это дело мастера-печника выделю, чтоб одноразовую печь нужных размеров сделать.

– Квашню надо, чтоб целиковая была, – вставил Фрол.

– А если тесто из многих квашен на подбив выложить? – Спросил управляющий и испытующе посмотрел на мастера.

– Как бы не осрамиться? – засомневался Фрол.

– Почему так? Какая в этом разница?

– Разница есть. Температура будет в малых квашнях не совпадать, потому и срок созревания будет разный. Потом, квашня квашне рознь, а здесь всё должно быть одним целым. Крупка из одной квашни может рассориться с крупкой из другой. От этого какая польза? Оно, может быть, и как вы говорите, пойдёт, а вот риска много.

– Кадушечники квашню нужных размеров для тебя соберут. Здесь беспокоиться не следует, – ответил управляющий.

– Надо такую, какую я скажу. – Вставил мастер. – Затворить большой объём муки будет не просто. Замешивать надо, чтоб удобно было. Помощники будут нужны... Одному мне не справиться. Хлебника Фильку обязательно дайте. Он парень крепкий и к калачам причастен.

– Возьмёшь любого, в кого пальцем ткнёшь. – Твёрдо произнёс начальник. – Обучишь, на это время есть.

– Потребуется воды с бочку, отстоявшейся и не одну. – Добавил мастер.

– Это мелочи. – Отрезал управляющий.

– Это не мелочи, – настаивал Фрол. – Воду надо лить не бурливую, суматошную, а спокойную, отдохнувшую.

– Как скажешь. Ты мастер. Спорить не буду.

Когда основные организационные вопросы были решены, Фрол поинтересовался:

– Только зачем всё это городить? Какая от этого выгода? Кто такой калач купит? Им всю улицу накормить можно.

– Городить, Фролушка, – заговорил управляющий мягко и по-дружески, – есть зачем. Мукомолы, чтоб привлечь на свою сторону покупателей, хотят испечь чудо-калач

необыкновенных размеров и представить на Нижегородской ярмарке. Вот это зачем нужно. Весь мир услышит о нашем калаче. О саратовских мукомолах и хлебопёках слава пройдёт не только в России, но и в Европе. На саратовскую муку и на наши изделия спрос вырастет. Вот это зачем нужно! Если справишься – тебя тоже не обидим, а я лично тебе жалование повышу. Так, что на тебя купеческое общество города надеется. Согласен?

Фрол в ответ кивнул и вышел, а хозяин кабинета после его ухода ещё долго ходил по комнате взад и вперед и потирал ладони. Дело предстояло необычное, большое и серьёзное. А в это время Фрол, шагая в цех, думал: «Вот тебе и Хлебный дух... Вот тебе и ёлки зелёные. Эх, куда завернуло...».

Фролу предстояло ещё несколько дней выпекать калачи, пока для калача-гиганта не будет подготовлено оборудование. Тут и крепкие вёсла-лопаты для затворения нужны, и чисто выструганный и отфугованный поддон для подкаты теста из крепкого дерева на несколько мастеров. Вокруг квашни тоже из досок надо настилы соорудить для удобства. Что не говори, работать будет целая бригада. Для верности нужно будет пробный замес сделать. Рабочие должны знать свои места и во время замеса и на подкатах,

чтоб без толку не толкались и не мешали друг другу. Вокруг формы надо леса соорудить крепкие, чтоб рабочих с носилками выдерживали, когда будут тестом форму заполнять.

Фрол советовался со всеми специалистами, выслушивал мнение каждого. Перед началом работ Фрол поговорил с бригадиром столярного дела по изготовлению квашни, с мастером-металлистом по изготовлению формы. Форму решили делать из металлических листов разборную, потому как из обычной целиковой формы такое количество испечённого хлеба не вытряхнуть без повреждений.

– Всем миром думаем, как такой калач сделать! – восклицал Фрол. – Каждая мысль идёт в дело, сам до всего не додумаешься. Вон Спица предложил сделать лопаты про запас, вдруг сломается, где тогда взять, дело не терпит. Филька - хлебник ковш на длинной ручке смастерил, чтоб в тесто добавки было удобнее вносить по всей плоскости квашни...

Был ещё не решён последний вопрос – как затащить форму с тестом в печь. Мастер-печник настаивал на том, что печь после выпечки легче разобрать, чем делать металлическую тележку для закатки и выкатки формы. И было бы хорошо, вообще пустую форму поместить в печь с уже выложенными из кирпича стенами по высоте

формы. Затем заполнить форму приготовленным тестом и быстро, пока тесто выстаивается доложить у печи верх. Если всё сделать быстро, то обязательно получится. Тесто в форме доходит, а печники в это время работают, верх у печи сооружают. У них на всё про всё час времени. Эту работу они могут выполнить без какого-либо вреда для калача. Другие возражали: «Кирпичи будут в новой кладке холодные, тесто не поднимется, заохлодеет», «Не заохлодеет, если кирпичи перед кладкой нагреть», «Риска с кирпичами много, – вторят трети, – лучше платформу из железа соорудить и затащить форму с тестом в печь по роликам».

Фрол был вдохновлён. Он не ходил, а просто летал. То его видят у слесарей-жестянщиков, то у печников, а вот он уже ходит по настилу и пробует в деле весло-лопату. Всё впервые, всё ново. Это и вдохновляет, и радует и волнует. Фрол оказался ещё и хорошим организатором. Организация работ была такая, что казалось, работает единый механизм из десятков рук и ног и ничто и никто ничему не мешает.

Наступила последняя ночь калачника Фрола, когда он делал последний замес калачного теста, дальше Фрол будет заниматься только калачом-гигантом. Надо было делать пробный

замес и производить пробную выпечку великана. Хорошо, что если удача придёт сразу, но такое бывает редко. Особенно Фрола волновал температурный режим, при котором будет выпекаться это хлебное чудо. На совете Фрол предлагал снизить немного температуру, но при этом увеличить время нахождения калача в печи. Как говорится, чтоб не пригорело и сырьё не оказалось. Только всё это будет не сегодня. Какое оно будет это завтра?! А ночью к нему пришёл опять гость из ниоткуда.

– Ты меня не ждал, Фрол? – спросил Парадигма мастера с порога.

– По правде, нет. Чего мне тебя ждать, когда у самого хлопот полный рот.

– Твои хлопоты временные. Скоро всё разрешится. Я слышал разговор купцов. Они тобой довольны. Говорят, что ты человек хваткий и хотят тебя использовать на другой должности.

– Это они тебе сами сказали? – сыронизировал мастер.

– Ну..., что ты, Фрол... – Хлебный дух развёл руками.

– Ах! Да! Я совсем забыл про твои возможности слышать и видеть всё за многие километры.

– Не надо так иронично, мастер. Я ведь к тебе по-дружески. Дела у меня на Земле не совсем

хороши. Если кратко, то я должен покинуть Землю.
– Хлебный дух помолчал и продолжил. – Вот, пришёл проститься с тобой. Меня отзывают, как не справившегося с задачей. Спасибо тебе за секрет калача. Только мы им не можем без тебя воспользоваться.

– Что так?

– В чём-то мы далеко ушли от вас, например, в плане наших возможностей. А где-то не можем постигнуть того, что для вас элементарно просто. Так, что я, Фрол, не выполнил миссию. Жаль, что ты не хочешь покинуть Землю и войти в наше измерение. У тебя нет ни семьи, ни дома, ни любимой девушки, ты ничем не рискуешь, однако не желаешь. Почему – не знаю? Твоё согласие было бы для меня оправданием и решением моей проблемы.

– Не могу я, Парадигма, к вам! Я свой город люблю, я душу его чувствую, и дело своё боготворю. Ну, как я там у вас приживусь? Ваши красоты и возможности не заменят мне моей квашни, моей пекарни, песен, что раздаются по вечерам над Волгой. Я без этого не могу.

– Я тебя, мастер, услышал. – Хлебный дух в грустном напряжении пожевал губами. – Желаю тебе удачи, мастер. У тебя всё получится. – Он поднял руку вверх, сжал кулак и широко, и немного печально улыбнулся. Затем стал таять и

совсем исчез, оставив после себя только запах испечённого хлеба.

* * *

Итак, мой усердный читатель и любитель саратовской старины. Ты находишься в предвкушении того, что я сейчас продолжу описание процесса создания калача-великана. Я тебя немного разочарую. Мне доподлинно неизвестно, какие варианты решения задач были выбраны. Но, то, что этих проблем было достаточно, ты понял из моего повествования. Каким саженым калач был сделан способом – мне неизвестно. Для моего рассказа это совсем неважно. Главное – калач был испечён. Он был доставлен на Нижегородскую ярмарку и получил высокую оценку. Его там неоднократно общими усилиями сминали и он восстанавливался. И это совсем не сказка.

Саратовские мукомолы ликовали. Участвующие в изготовлении калача получили от мукомолов хорошее вознаграждение. Купцы в те времена умели не скупиться. А вот с Фролом вышла заминка. Фрол не стал брать купеческие деньги, а попросил купцов отправить его за границу на выучку к тамошним хлебопёкам. Как сейчас принято говорить – попросился поехать перенять опыт. А вот ездил он за границу или нет,

неизвестно. Известно только то, что, оценив организаторские способности мастера, руководство пекарни хотело его повысить в должности, но Фрол отказался и до последних своих дней выпекал саратовские калачи, равных которым не было.

Февраль 2022г.

Содержание

Горновица.....	3
Михаськин холм.....	43
Хлебный дух.....	65

Литературно-художественное и краеведческое издание

Пётр Петрович Африкантов

Саратовские байки
об
игрушке, гармошке и калаче